



На правах рукописи

БОНДАРЕНКО НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА

**ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА
В КОММУНИКАТИВНОЙ
ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА**

09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

**Ростов-на-Дону
2004**

Работа выполнена в Ростовском государственном университете
в Институте по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук на кафедре
социологии, политологии и права

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Дегтярев Александр
Константинович
доктор философских наук, профессор
Кнященко Николай Иванович
доктор философских наук, профессор
Матяш Тамара Петровна

Ведущая организация: Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится «4» июня в 13.00 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.208.01 по философским и
социологическим наукам в Ростовском государственном
университете (344006, г.Ростов-на-Дону, ул.Пушкинская, 160, ИППК
РГУ, ауд.34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Ростовского государственного университета (г.Ростов-на-Дону,
ул.Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «1» мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена существенными изменениями как философско-теоретического, так и социально-практического характера. Стремительно изменяющийся мир заставляет по иному взглянуть на концепции человека и общества, подвергнуть переосмыслению многие прежние взгляды, казавшиеся очевидными или хорошо доказанными истинами. Необходимость новой теории человека и общества диктуется прежде всего потребностями социальной практики, стремительное преобразование которой приобретает все менее управляемый и прогнозируемый характер. Управляемость и прогнозируемость общественных изменений и в условиях нормальной эволюции, и в условиях глобальных преобразований зависит от того, насколько успешным окажется способность теоретического постижения причинно-следственных и функциональных связей, пронизывающих социум и определяющих его динамику.

Концептуальной основой объяснения любых, в т.ч. и социальных явлений служила идея причинной или функциональной обусловленности всего происходящего. Такие объяснения позволяли строить прогнозы на будущее и ориентировать на прогнозы социальную практику, а также индивидуальные действия. Поэтому все рационалистические теории классической философии, физики или социологии были ориентированы на поиск причинно-следственных связей, их формулировки в виде универсальных закономерностей. Принцип детерминизма в значительной степени стал синонимом научной рациональности как таковой. Но в XX веке произошли события, радикально изменившие ситуацию.

Развитие науки и социальных практик выявили неполноту принципа классической рациональности, конструирования по законам Разума управленческого и предсказуемого мира. Природа и общество постепенно приобретают облик неустойчивости, нестабильности, «разветвления». Постмодернизм, критическая рефлексия проектов модернити пытается демифологизировать, дискредитировать логоцентризм, традицию упорядоченности и смысла, «Трансцендентальное означаемое». Однако и сравнение мира как бесконечного безграничного теснее замыкает социально-философскую теорию на идее периферийности знания и неэффективного поиска структурных оценок.

Провозгласив тезис о бессубъектности, дивидности и конце рационализма, постмодернизм лишается легитимности понимания и рождается в «осколках» малых повествований с надрывным эстетическим сознанием и сотворчеством безумного, свободе от жесткой детерминированности власти и знания. Классический детерминизм, материальная и формальная причинности аристотелического типа, неполно оценивает нелинейные процессы, что дает возможность отказаться не от принципа детерминизма, а переинтерпретировать, переосмыслить в вероятностном ключе, исследовать условную причинность, связанную с недискурсивным социальным знанием. В социально-гу-

манитарных науках «инвариантной точкой» можно охарактеризовать переменные в представлении о сущности человека и общества, об адекватности и конституции социальном знании. Философская рефлексия не удовлетворена механическим, социально-классовым или бихевиористским анализом в равной степени и иррационализмом, нарративизмом постмодерна. «Социальные системы перерабатывают смысл в форме коммуникации»¹. Важно разделять социальное и вещественное умеренное, экстремальное (психологическое) и «природное» влияние и intersубъективное отношение, устанавливающее возможность согласия по поводу чего-то. Глобализация, модернизация, информатизация не должны занижать перспективу дискурса рациональности, как бы ни было трудно отказаться от имамологии, виртуальных посредников и инсценировочных «Других». Бинарность, детерминизм-индетерминизм фиксирует неопределенную схему объективированного знания (эйдологии) и субъективности повседневности. Социально-философскому знанию не приходится делать выбор между рационализацией общественной жизни и недискурсивностью повседневности. Извлечение из повседневной практики разумного потенциала, как точно подмечает Ю. Хабермас, включает процедуру доверия к детерминизму. Всякое субъектно-центричное изменение нормативного порядка возвращается к «великому противостоянию» универсализма и партикуляризма, гностицизма и агностицизма, наплогизма и релятивизма.

В современной России «доверие к здравому смыслу преобладает над научной квалификацией и компетентностью», принятию жизни, «практики», изменению роли нормы. Актуально звучит предупреждение Ю. Хабермаса о том, что «неопосредованная перестановка специальных знаний в частные и общественные сферы обладателей жизни может, с одной стороны, поставить под угрозу автономию и своеобразие системы знаний, а с другой — нарушить целостность контекстов жизненных миров»². Потуги социально-философской мысли позицией генерации в споре о повседневности, о сущности истины и справедливости, порядка и хаоса санкционирует «анархический порядок», волнение и аморальность.

Если мы согласимся с перспективой социальной реальности как единстве объективного и субъективного (А. Мендра), вполне подтверждается задача общественных наук — получение упорядоченного знания социальной реальности, операционализация принципа детерминизма в аналитических целях. Для каждого интеллектуального и мировоззренческого типа характерен свой особый подход к проблеме детерминизма. Приведенный тезис остается на уровне историчистского трюизма, если мы не выходим за пределы самореферентности философского знания, не избавимся от уравнилельной критики парадоксов рациональности и не попытаемся осмыслить инвариантность, символический универсализм неопределенности, каковую потеря «детерминизма» означает в алогичной «причинно-следственной» версии. Принцип детерминизма требует придерживаться консенсуса в признании суверен-

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М., 2003, С. 387

² Там же. С. 351

ности, систематизированности, самодостаточности исходящих философских принципов, «даже если философия находится под натиском «моды на индетерминизм» и релятивизм установок повседневного сознания.

Современная социально-философская мысль подразумевает «естественным» выполнение функции дефлинирования, категоризации, посредника теории и практики. Радикальный разрыв с повседневностью, о чем заявляет постмодернизм, заставляет задуматься имеем ли мы дело с превращенным, «ложным» сознанием или с проблематизированностью реальности, из которой изгнано общее. Очевидно, что философский субстанционализм, натурализация, овеществление социальных зависимостей не лучшая альтернатива локальности, текущим представлениям, протекающим с верой в рок или случайность. Структура социальной реальности конституируется субъективными значениями и совместного конституирования мира языковыми и качественными средствами. Поэтому исследование признака детерминизма в коммуникативной модели общества актуально, по крайней мере, в трех значениях. Во-первых, отход от «естественно-исторического» описания общества сопровождается демонстративным уходом от философского дискурса и принципа детерминизма как фундаментального философского достояния. Философская рефлексия не может удовлетвориться историкой по поводу «десакрализации» и «растерянного» Разума. Во-вторых, дискурс повседневности, как стихийности, спонтанности, лишь подчеркивает ошибочность произвольной игры «собственным языком» и социально-философская мысль вызывает к переинтерпретации вроде бы привычных, но в реальности неопосредованных понятий «детерминизм» и «свобода», «бытие» и «суверенность», «повседневность» и «хаос». В-третьих, открытость, диалогичность, мультикультурализм современного общества не может воплощаться в увековечивании разделений, коммуникация содержит признание «личного», как процедуры типизации, идеализации «образцов взаимодействия».

Степень разработанности темы. Принцип детерминизма, как и принцип развития, фундирован в истории философской мысли. Собственно философия начинается с обоснования существующего миропорядка и миропонимания. Упорядоченность, миросистемность рассматриваются Аристотелем условиями философствования, различия фронеизиса и эпистели, историчности и логицизма. Аристотелевская иерархия причинности, последовательно реализует представление о «конечном» мире. В учении Аристотеля содержится преформизм классических концепций детерминизма. Следует подчеркнуть, что подход Аристотеля связан с постижением сущности, с субстанцией, знанием свойств, которые делают вещь таковой, какая есть. Эйдология Платона представляется в допущении мира отдельных вещей, что открывает путь к индивидуализации причинности, иррелевантности конечной и действующей причин. Природа и культура, имманентность и экстерриальность, детерминизм (внутренняя обусловленность) и телеологизм (влияние внешних взаимодействий) переосмысливаются Августином, Фомой Аквинским, Эразмом

Роттердамским в форме дискуссии о «свободе воли» и «предопределенности».

Спиноза, Лейбниц, Кант, Декарт полагали тождественность причин и следствия, взаимной корреляции природы и души, природы и социальности. Механические силы (каузальности) становятся средством обоснования рационализма, освобождения от традиционного (телеологического) мышления. Детерминизм является критерием научности, дедуктивизма, гипотазирования законов природы (физика Ньютона). Социальный детерминизм в работах О. Канти, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма рассматривается натуралистически, логика структурности создает картину «общества-фабрики», «общества-механизма». Рационализация общественных отношений (М. Вебер) определяет движение к управляемости, прогнозируемости и безличности социального общения. Социально-философская мысль примиряется с действующей (функциональной) причинностью: идея эволюции трансформируется в «историцизм», исполнение людьми определенных вердиктов истории, как трибунала человеческой мысли (К. Манхейм).

Ф. Ницше, Э. Фромм, Э. Кассирер переносят акцент на деятельность, анализируемую с разных позиций (становление, выбор или понимание). Аналогия становления, философский нигилизм опровергают дуализм формальности и «трансцендентальности». В упразднении субстанционализма, иерархичности Бытия обусловленность возводится к субъективно центрированному началу, стремлению «кем может стать человек». Реабилитация телеологизма, целевой причинности построена на иных, чем у Аристотеля, постметафизических основаниях. «Великое возвращение», цикличность подразумевает необусловленность цели как совершенства, идеальности. «Жить по необходимости» по Ницше означает любить жизнь, что опровергает мысль Э. Фромма об определенности деятельности принципам структуры личности. В постклассической философии ощущение автономного разума влечет к интерпретации детерминизма в понятиях «тоталитарности», противостоящей «самосознанию», «самоопределенности» и «самореализации». Э. Гуссерль и М. Хайдеггер предвидели опасность нигилизма. «Причинность судьбы» вызывает к перспективному пониманию смыслов социальной коммуникации.

В социальной феноменологии А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, Х. Абельса детерминизм реализуется благодаря «герменевтическому кругу», обусловленности индивидуальных проявлений контекстом мировоззрения общества. Феноменология выступает против приобретения смыслами человеческого существования и использования аналитического анализа социальной деятельности. Признание знания в качестве социальной реальности, объективированном самым порядком вещей, определяет исследовательский пафос в работах российских ученых Л.Г. Ионина, Ю.Л. Качанова, Н.В. Шматко. Немецкий социальный философ К. Манхейм обосновывал «высшую реальность», инвариантность культуры, с которой соотносится действие обобществленного человека. Метафизическая тоска удовлетворяется включением не онтологической, телеологической причинности.

Ю. Хабермас, Н. Луман, У. Аутсвайт презентировали теорию коммуникативного дискурса. Развитие коммуникации развивается на основе невозможной для разных культур модели, имеющей перспективный характер и в отличие от феноменологической версии повседневности различные коммуникативные вариации интерпретируются как ответвления инвариантности (морали). Критерии универсализма и формализма элиминируют влияние партикулярных форм жизни, что свойственно феноменологии и обязывает к участию в коммуникативном дискурсе как достаточной форме сохранения мира. Формальная причина субдоминантных инноваций использует явно прагматический оттенок сохранения, выживания, а не перфекционизма классической философии.

В работах Д. Роллза, А. Данто, А. Макинтайра раскрыто влияние принципа детерминизма, как модели объяснения в политике и философии истории. Желание высших порядков, основанных в социальной коммуникации, указывают на моральные добродетели в соответствии с классической традицией неологической причинности. Детерминизм интерпретируется в контексте социального контракта. Д. Нозик, Д. Уоллес, Д. Сильвермен считают справедливым, апелляцию к законным правам как условиям взаимодействия конструирующих рипов коммуникации различных социальных групп.

Обращение к исследованиям в области современной социальной теории, проведенное Э. Гидденсом, Н. Луманом, П. Бурдьё, раскрывает систему диспозиций (габитус), возможность выйти из структуралистского объективизма, не впадая в субъективизм. Интересные выводы принадлежат Дж. Лакатфу и У. Матуране, этнометодологу Э. Гарфинкелю. Коммуникационная модель общества предлагает поддержание социальной деятельности с точки зрения других людей и детерминизм описывается в негативном опознавательном смысле, различных интегративных контекстах акторов социальных макро- и микро-уровней. Соединению феноменологии с микросоциологией способствовали Д. Уоллес, М. Филлипс, Б. Козн. П. Филмер, П. Козловски, З. Бауман, Р. Рорти, Ж.-Ф. Лиотар анализируют состояние эпистемологической неуверенности, которая связана с убеждениями неадекватности формализованного политического аппарата с открытым законом, взаимопониманием посылок и следствий. Из критики логоцентризма делаются противоречивые выводы. Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти осуществляют выбор специфического видения мира, как хаоса, ассимиляции причинно-следственных связей и ценностных ориентиров (хаосологии). В позиции П. Козловски и З. Баумана разделяется тревога по поводу того, что человеку нужно чувствовать себя хозяином и творцом внешних условий существования и предлагается имманентная детерминация личностных связей, основанных на соединении «коллективного существования» и ценностей социальной эмпатии.

Российские исследователи В.Е. Кемеров, М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, В.Е. Золотухин, Е.В. Золотухина-Аболина акцентировали исследовательские усилия на когерентности свободы и социального детерминизма, ценностной экспликации детерминизма. В работах В.Г. Федотовой, Т.П.

Матяш, В.И. Кузнецова, С.С. Гусева, В.К. Кантора раскрываются проблемы рационального и пострационального видения социального детерминизма, переосмысления традиционной парадигмы причинности.

П.П. Гайденок, Ю.Г. Волков, М.Ю. Опенков, Г.Л. Тульчинский изучают социальный детерминизм в культурно-методологическом конструкте, «идеологии», «мировоззрения», символических значениях «общения», «гуманизма» и других интерактивных моделей. Коммуникативность отличается от функциональности, разделения труда неутилитарной заинтересованностью, ориентацией на социально значимые идеи. Российские ученые проблематизируют «телеологический» (целевой) вектор социальной коммуникации, придают ему не практический, а ценностно-рациональный смысл. Постановка важной исследовательской темы в системе интерактивных координат легитимирует обращение к социально конструктивному знанию, языку, кодам и хабиитуализации и институционализации знания как имманентным определителям социальной коммуникации.

Таким образом, в современной социально-философской мысли представлены «формалистская» и телеологическая версии детерминизма. Формализм, логицизм исходит из тождественности классической и коммуникативной рациональности, анализа социальной коммуникации по подобию причинно-следственных связей в природе, упорядочиванию процессов социальной интеграции в определенных рамках рефлексированного знания и факторной (функциональной) обусловленности социальной деятельности. Индивидуальность рассматривается как модус некоторых трансцендентальных образцов абсолютного, автономного разума, «научного мировоззрения» или «научной» идеологии. Телеологизм исходит из интеракционности социальной деятельности, обмена знаниями и силами в социальной коммуникации, наличия социального детерминизма как объективированной системы направленной на сохранение относительного единства общества и недопущению анархии и распада.

В так называемом «постструктуралистском» варианте (П. Бурдьё) предпочтение отдается «интериоризированным» структурам упорядочивания и делегативного выбора жизненных стратегий, актуализации социальных диспозиций, инкорпорирования социальных отношений, объективированных в социальной коммуникации и типизируемой в логике «различений».

Описанная исследовательская ситуация выявляет необходимость переинтерпретации, критической рефлексии актуального социально-философского знания, выхода на конституирование системной модели детерминизма в коммуникативной теории общества.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении когнитивного потенциала принципа детерминизма, как комплекса идей и проявлений, связанных с обоснованием социальной предопределенности, необходимости и взаимообусловленности. Постановка данной цели проистекает из методологического поворота в философии XX века, возникновения постклассической философии к коммуникативной модели общества. Новое понима-

ние природы социального бытия требует реконструкции логики, становления и развития принципа детерминизма и согласия с новым тематизируемым знанием.

Достижение цели данного диссертационного исследования предполагает решение следующих основных задач:

- 1) восстановить социокультурный и концептуально-смысловой контекст формирования принципа детерминизма;
- 2) рассмотреть принцип детерминизма в оппозиции «природа — общество» и доминирования парадигмы классического естествознания;
- 3) выявить различия антропоцентризма и теории антропогенеза как детерминистской схемы становления социального;
- 4) показать специфику институционального детерминизма как конструкта типических социальных практик;
- 5) рассмотреть соотношение принципа детерминизма с антропологической трактовкой понятия свободы;
- 6) выявить теоретические условия применения целевого детерминизма в социальной теории;
- 7) показать специфику социального детерминизма и определить наиболее близкие ему философские и естественнонаучные модели детерминизма;
- 8) подвергнуть анализу изменение теоретических условий применения принципа детерминизма в условиях постклассической философии;
- 9) рассмотреть специфику герменевтики социального субъекта;
- 10) исследовать взаимообусловленность знания и коммуникации в социальной жизни;
- 11) уточнить смысловые и технические условия перестройки социальной теории, определяющей общество как коммуникацию.

Объектом данного исследования выступает общество как система социальных коммуникаций, intersubъектных отношений, связанных с адресностью, обменом смыслами и значениями, расшифровкой и выработкой языка общения.

Предметом исследования является принцип социального детерминизма как теоретико-методологический конструкт анализа взаимообусловленности социальной жизни людей, процессами и результатами совместной и индивидуальной деятельности.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляет коммуникативная теория общества, нашедшая воплощение в работах Ю. Хабермаса, П. Лукмана, П. Бергера, П. Козловски, А. Этциони Н. Лумана и других видных деятелей постклассической социально-философской мысли. В диссертации используются элементы историко-философского и логико-реконструктивного анализа. Автор диссертации разделяет положения герменевтики, социальной феноменологии, социальное знание в анализе «реальности» и «знания» социального детерминизма.

Изучение постклассической философской парадигмы актуализирует интерпретацию «выживания» и «переопределения», как познавательных процедур «интеграции» социально-философского знания, использования принципа комплиментарности для синтеза классического и постклассического определений социального детерминизма.

Новизна диссертационного исследования может быть сформулирована следующим образом:

1) реконструированы смысловые основания конституирования принципа причинности в предфилософском и философском знании;

2) рассмотрен принцип детерминизма в дихотомии «природа — культура», основанной на автономности разума и преодолении телеологизма;

3) выявлено замещение классического «казуального» детерминизма концепцией социального перфекционизма;

4) выявлены и подвергнуты анализу онтологические и деятельностные допущения классического социального детерминизма в виде институционального детерминизма;

5) проанализированы основные проблемы понимания свободы в контексте каузалистской версии социального детерминизма;

6) показаны причины возврата социальной теории от галилеевско-лапласовского через энгельсовско-дюркгеймовский детерминизм к аристотелевскому учению о четырех причинах;

7) проанализированы основные линии формирования неклассической социальной философии и влияние на них лингвистического поворота;

8) предложена коммуникативно-прагматическая модель детерминации социального субъекта intersubjectивным жизненным миром;

9) исследована одна из латентных функций языка, рождающая глубокий уровень социального детерминизма - детерминацию посредством нетематического знания;

10) уточнены смысловые и технические условия перестройки социальной теории, предполагающей включение действия как фактора формирования социально релевантного знания.

Исходя из указанных пунктов новизны, на защиту выносятся следующие основные **положения**:

1) Современный концепт социального детерминизма имеет истоки в предфилософской и философской мысли античности. Мифологическое сознание выявляет идею генетической причинности, инверсионности причинно-следственных связей, порождение из хаоса порядка, что предрасполагает к рационализации причинности, формированию аристотелевской концепции четырех причин. Аристотелевская концепция описывает причинность как основу бытия, включающего стихию в пределах конечности космоса, а социальная детерминация понимается как самотождественность человека и полиса, микрокосма и макрокосма.

2) Классическая рациональность сталкивается с проблемой поиска человеком «опор бытия». Разомкнутость мира, бесконечность Вселенной и десакрализация человека создают представление о множественности, противоречивости форм бытия. В социально-философской мысли эксплицируется представление о причинности как внешней силе, взаимодействии сил, которые скрываются за видимым многообразием социальных явлений. Использование критериев инерционности, субстанциональности связано с механицистским подходом к обществу, как фабрике, редукция социальной деятельности к самосохранению. Образ изолированного человека коррелирует с абстракциями пустого пространства и изолированных тел классического естествознания, что ограничивает когнитивный ресурс классического рационализма в исследовании общества как надприродного образования.

3) Теория антропогенеза продолжает традицию каузальности, детерминированности человека восхождением от биологического к социальному, поэтому закономерность, порядок осмысливаются как результат освобождения от биологического, инстинктуальности, что не освобождает человека от влияния объективированной социальной реальности или материального (трудового) принуждения. Антропоцентризм пытается сформулировать альтернативу экстернальному детерминизму, но оказывается в плену не менее проблематичных предположений о проективности как сущности человека. Так или иначе, стремление представить условия свободы и самореализации человека в обществе основано на допущении социального перфекционизма, что тождественно критикуемой биологической предопределенности.

4) Концепция институционального детерминизма формируется под влиянием каузальной версии причинности, но претендует на объяснение внутренних социальных отношений, исходя из регулярности, целесообразности и повторяемости социальных практик. За социальным институтом закрепляется положение факта, объективного социального знания, что делает возможным элиминировать так называемые «психологические и личностные состояния» в социальном общении. Тем не менее, институциональный детерминизм является неполным, так как игнорируется субъективный аспект социального взаимодействия, не учитывается природа социальной интеракции как обмена смыслами, значениями, выходящими за пределы институциональных социальных практик. Несамодостаточность институционального детерминизма проблематизирует понятие деятельности, экстернальности и интернальности в социальном знании, что находит отражение в переинтерпретации институционального детерминизма в теориях постструктурализма П. Бурдьё и структуризации Э Гидденса.

5) Развитие постклассической социальной философии было обусловлено новым пониманием социальных явлений, сформировавшимся благодаря развитию микросоциологии. Символический характер социальной реальности и интерпретативный компонент социального действия были учтены благодаря радикальному пересмотру онтологических допущений и методологических принципов классической теории общества. Наиболее существен-

ным оказался переход к ненатуралистическим моделям социальной реальности, отказ от объективизма в пользу субъективизма и пересмотр значения теорий макроуровня для объяснения событий на микроуровне.

6) Герменевтика социального субъекта иная, нежели классическая герменевтика. Невозможность вывести социальный субъект за рамки коммуникации, противопоставить его социальному объекту лишает его тех признаков, которые существенны для картезианско-кантианской парадигмы. Социальный субъект лишен квазипространственной системной определенности моноцентрического типа. Социальный субъект полицентричен и погружен в децентрированный жизненный мир, а его логика определяется прагматикой коммуникации.

7) Язык представляет собой одну из форм существования знания, отличающуюся высокой степенью латентности. Знание в языке оторвано от смысловой основы своего появления и не предполагает осмысленного его использования именно как знания. Овладевая языком человек получает некую совокупность представлений о действительности, а также о моделях индивидуального и коллективного действия.

8) Главными линиями, детерминирующими процесс социального взаимодействия, являются коммуникативно-информационные и интерпретативно-коммуникативные процессы. Первые связаны с циркуляцией определенных значений, а вторые с их интерпретацией. И первые, и вторые связаны с активизацией нетематического знания и его превращением в тематическое и ситуативное знание. При этом индивидуальность деятелей проявляется на уровне соединения ситуации и темы.

9) Наряду с неявным знанием, запечатленным в языке, существует особый тип явного знания, формирующий общество, конструирующий и конституирующий социальную реальность. Во всем многообразии человеческого знания, которое может быть разделено на теоретическое и эмпирическое, теоретическое и обыденное, научное и приближительное, глубинное и информативное, выделяется особый эпистемический феномен - социально релевантное конструктивное знание. Это знание интегрирует элементы теории и практики, науки и мировоззрения, норм объяснения и ментальности. Данный эпистемический феномен представляет собой особое дискурсивное единство, детерминирующее социальную практику.

10) Новое понимание социального детерминизма должно учитывать требование практического описания социального действия, когда время является живым участником ситуации. Из этого следует важный принцип социального теоретизирования - описывать социум как совокупность событий, разворачивающихся на фоне времени, а не пространства. Если в естественнонаучной теории время представлено как один из видов пространства, то в социальной теории пространство может быть представлено как разновидность времени. Пространство позволяет нам упорядочить внешние восприятия, а время - внутренние переживания. Поэтому социальное теоретизирование должно объективировать опыт внутреннего переживания. Итогом такой объек-

тивации должны быть значения человеческих действий, т.е. их социальные содержания.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации, разработанные в ней методологические подходы и полученные результаты могут служить основанием для критического анализа фундаментальных и локальных проблем социальной философии и социологии, уточнения теоретико-концептуальных каркасов обществознания и гуманитаристики. Новое понимание детерминизма позволит переосмыслить ключевые моменты теории общества.

Практическую пользу полученные результаты могут дать при составлении программ социального развития, послужить научным фундаментом для принятия и обоснования управленческих решений.

Материалы исследования также могут быть использованы при составлении учебных курсов и спецкурсов по социальной философии истории философии, онтологии и эпистемологии, антропологии и социологии.

Апробация диссертации. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на всероссийских и региональных научных конференциях, а также на Третьем Российском Философском Конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия» и на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы».

Содержание и результаты диссертационной работы отражены в 55 публикациях общим объемом 48,2 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, содержащих 12 параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются актуальность темы, ее научная и практическая значимость, дан анализ ее научной разработанности, указываются объект и предмет исследования, определяются его цели, задачи и научная новизна, формулируется методологическая база, устанавливается личный, научный и практический вклад автора в ее разработку.

Первая глава «Принцип детерминизма: эпистемологические и аксиологические основания» посвящена генезису принципа социального детерминизма, логике перехода от генетической причинности мифологического сознания к концепции четырех причин Аристотеля как рациональной версии причинности, содержащей основные моменты подходов к причинности в историко-философском процессе. Анализируется соотношение «космологических» и социально-философских аргументов в становлении принципа детерминизма, рассматриваются субстанционалистская и телеологическая схемы детерминизма как основные парадигмы классической философской мысли.

В параграфе 1.1. «Понятие причинности: рефлексия конечного и бесконечного» ставится задача анализа становления принципа социального детерминизма как формы социального существования человека в контексте гармонии «космоса» и социальной жизни в рамках общества полиса, социальной общности людей, консолидированных в стремлении к общему благу.

Анализируя генезис принципа социального детерминизма можно выделить два подхода к его сущности: детерминизм рассматривается как принципиально противоположный мифологическому сознанию фундамент рациональности и детерминизм возникает благодаря заложенным в мифологии идеям цикличности, инверсионности и взаимообмена символических значений.

В диссертационном исследовании последовательно реализуется положение о мифе как социокультурном условии возникновения принципа социального детерминизма.

Понимание мифа «вымыслом», традицией, иллюзией подчеркивает его значение в становлении социально-философского знания, если не ограничится указанием на «укорененность» мифа в традиционных обществах. В мифе мы всегда стоим у существования истоков «чего-то», миф говорит о том, что произнесено реально, вернее, что стало реальностью (космос, растительность, человеческий мир, человек) благодаря сверхъестественным существам. В мифологическом мнении обнаруживается рациональность в связывании «сверхъестественного» с естественным. Можно сказать, что утверждается причинность, так как признание «их абсолютной реальности» основывается на обусловленности предопределенности, неизбежности. М. Элиаде подчеркивает обучающее значение мифа, конструкта повседневного знания в процедуре празднования, актуализации³.

³ Элиаде М. Аспекты мифа М., 2000, С.20

В диссертации отмечается, что апелляция к космическому порядку, который трансформируется из Хаоса благодаря «Воле», чистому, беспричинному действию, Акту творения, обозначает рефлексию по поводу причинности последствия. В традиционном обществе социального знания знания локальны, пространственно ограничены, миф объясняет конечность бытия в бесконечном Космосе, эмпирической целостности, поверенной по законам «гармонии», согласования малого с Большим.

Мы не можем согласиться с утверждением, что причинность в понимании традиционализма была сопряжена с индивидуальным опытом. Социальная профильность делала человека потребителем традиции, рецепта знания, связанного с сакрализацией человеческих отношений, легитимацией «алгоритма жизни», который как и в мифе утверждал повторимость, цикличность. Универсализм Мифа по Гегелю не является предрассудком, он содержит истину на низшей позиции мирозерцания, предшествуя категоризации. Человек ощущает свою тождественность с физическим, природным, стихийным и выражает суверенность на языке мифа, в котором причина и следствие только кажутся неразличимыми, а истину нельзя отделить от иллюзии.

Мифологическое сознание интерпретирует причинность во внепространственной и вневременной сфере, намеренно избегает иллюзии и темпорализма. Возможно, «со-временность», «со-поставимость» событий развитию парадигмы «почетного знания» позволяет обратиться к «судьбе», как предварительному знанию, преддоверенности, за которой скрывается мир Космоса. В отличие от религии миф не ставит человека в замкнутость раем и адом, властью и «низинами души». Философ Р. Гвардини утверждает, что «кантический человек не знал ни одной точки вне мира, поэтому он не мог и пытаться взглянуть на него снаружи. Любые его движения, даже самое отважное, устремленное в самые запредельные области оставалось внутри этого мира»⁴. Причинность находит объяснение в мире, как части бытия. Миф — это не рефлексия по поводу действительности, это повседневное знание традиционного общества. Мир движется из «архэ», первозакона, который обладает полнотой, является не только эмпирической и божественной сущностью. Человек действует, живет по правилам «фатальности», неизбежности происходящего. Он свободен в отсутствии иерархичности причин, так как универсальные взаимосвязи (законы) основаны на самоограничении, чувстве конечности, сопричастности гармонии.

В диссертации содержится мысль, что миф не рационализирует, а «изгоняет» случайность, Платон отводит случайности место «кажимости», видимости, идентифицирует знание и необходимость. «Произвольная необходимость» мифа недопустима по критериям классического рационализма, привлекли в природность отличия и объединения, «генетическое» родство, которое не перспективно как «залог будущего».

Детерминизм в философской системе Платона задается «холизмом», взаимосвязью идей, как падением основания бытия. Абсолютное Благо, на

⁴ Самосознание культуры и искусства XX века. М., С.-Пб., 2000, С.170

наш взгляд, гарантирует «космический порядок», к которому общественный порядок причастен окказиально и управление мудрецов разрывает жизнь и случайность, потому что «связь», необходимость, «обусловленность» относится к «истинному знанию», а не копирует установки, вступление в определенную временную поставленность вперед.

В философии Аристотеля мы находим четкие различия имени и вещи, каждая из которых могут иметь причинно-следственные связи внутри собственной сферы бытия. В отделении природы от общества мы видим влияние платоновского неприятия видимого мира. Если к неодушевленным предметам, физису применима «сила», материальность и нет уверенности «воздаяния», «карь», сбережения, обладания, что было характерно в досакральном описании природы, то общество признается «сферой» рациональности, миром «согласия» и компетентности. Каждая вещь по Аристотелю определяется своей природой. Природа вещи — это некая форма, ответственная за ее появление и делающая вещи все то, чем она обладает. Но Аристотеля нельзя подозревать в применении принципа «предопределенности», «пресформированности». Он характеризует мир природы нейтрально, «такой, какая она есть». Причинность раскрывается в материи, «существовании», физической основе содержания вещи, поэтому материальная причинность не подвержена рациональной рефлексии, является очевидностью, не имеющей «метафизических» сущностей.

Аристотелевская концепция причинности построена не столько по поводу природы физиса. Материальная причина универсальна и может состояться вопреки человеческой мысли, если мы подразумеваем «потенциальность». Имманентность причин непривычна для классического механицизма с трактовкой внешнего воздействия, внешней силы. Аристотель укладывает причинность в схему субстанциональности, где моральный принцип причинности является дифференциалом, источником многообразия вещей. Аристотель придерживается принципа «архэ» как пути, предначертанного порядком к судьбе, но для него существенным является обоснование всего сущего, а не только совершенство, числа пифагоринцев или эйдоса Платона. Социальная детерминация представляется в естественности совместного существования человека в обществе (*zoon politicon*). Причинность есть повод для осуществления цивилизованности человека и общество представляет «материю логоса». Разумное человеческое общество содержит цель в себе и самодостаточно по отношению к внешним воздействиям. Люди по природе ищут соответствия между теорией, различением и производительным трудом (пайезисом) и нет никаких оснований считать, что различие природных способностей делает, как по Платону, общество тотальным вмешиваться в сферу личного силой.

Аристотель полагает «частную жизнь» коммуницируемой с государственными институтами, то есть основывается на участии всех гетерных причин в жизни человека. Являясь объективным (деятельным) существом, человек обладает всеми новационными принципами жизни. Но в отличие от животных и растений люди «не растут» и потенциальные возможности раскры-

ваются в зависимости от нахождения человеком места, где он наилучшим способом реализует свои таланты.

Социальный детерминизм, таким образом, проходит период генетизма в мифологии, органичности, «проявляя через Единое» по Платону, и формулируется в модели Аристотеля в контексте рациональности, овладевая логосом, знанием причинности. Для того, чтобы человек жил добродетелью, он обязан иметь определенные моральные и интеллектуальные стандарты. В средневековой философии (Ф. Аквинский) целевая причинность закрепляется на уровне трансцендентальности, безразличия к социально-человеческому⁵. Аристотелизм ввел понятие «целевой причинности» для обоснования как раз индивидуальности человека в обществе, как теории для индивидуализации вещей.

Причинность связывает человека и космос, хотя античный философ сбивается на проблему высшего начала, это же отмечает его равнодушие к совершенству, выведенному за пределы видимого мира. Метафизика Аристотеля больше озабочена поиском первооснов «упорядоченности», чем постулированием норм трансцендентальности. Человек обусловлен своей социальной природой, просто он в обществе достигнет того, что соответствует логосу, разумности «предначертанного пути».

В параграфе 1.2. «Каузалистская версия детерминизма: общество — природа» предлагается рассмотрение принципа социального детерминизма как каузальности, взаимодействия внешних сил (т.н. факторов), что связано с экстраполяцией механического детерминизма классического естествознания в общество, понимаемое как «часть природы», фабрика, механизм.

В диссертации подчеркивается, что новое представление природных процессов, когда не нужно давать «биографию» отдельной вещи, эффективно решать задачи механической динамики, создало «карту мира», распространенную на общество.

Р. Гвардини пишет, что «новое время стремится вытащить человека из центра мира: в средневековой философии человека был Божьим творением, подчиненный Богу, но с другой стороны, он же — носитель образа, связанный с ним непосредственно и предназначенный для вечной жизни». Действующая причинность открывала перед человеком горизонты «возвращения к Богу» и ему не требовалось искать «достаточного обоснования» своей деятельности, он был предназначен к проективности. В Новое время самостоятельный человек «демократизируется», становится лишь частью мироздания, неотделимой от животных и растений.

Человек не может возвратиться к безмятежности целевой причинности и вообразить, что ничего не случилось с предписанной ролью «в лице Божественного творения». В потоке сомнений, одолеваящих человека, проблематизируется само Бытие. Отдаление от общего предустановленного порядка заставляет задуматься об основаниях самостоятельности человека в науке,

⁵ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 2000, С. 10

политике, повседневной жизни. Авторитет естествознания вселяет уверенность в том, что созданная картина мира, которая ориентируется на действительность в том, что не осталось места «сверхестественным» существам, что «Природа — материальна», являет образцы обоснованного устройства, материального и Церковь есть воплощение «старого порядка» с унижением человека.

Проблема стихийности, неуравновешенности мыслится в контексте редукционизма, сведения любого сложного явления или процесса к определенной совокупности простых и отдельных. Главной отличительной чертой механического детерминизма является нейтральная обратимость процессов, когда причины и следствия принципиально взаимозависимы: если кто-то бы заменил бы все действующие силы на противоположные, то все бы процессы пошли бы в обратном направлении. Возможно, тенденция «простоты» фиксирует не только избавление от метафизического, приумножения сущности, смысл обретает взгляд на общество как «часть природы», которая имеет автономность, право на самостоятельное существование в нахождении «естественного», транспарентного и управляемого состояния.

Природа выполняет роль «Матери» и «дьявола», естественная причинность напоминает человеку о его конечности и вынуждает действовать проактивно, прослеживать «дискретность» вещей. Разум, гарант нового порядка влечет, ориентирует на «непрерывное развитие», возможность отказа от «непосредственной» причинности и перехода к историцизму, концепции «имманентного» изменения.

Природа используется в качестве синонима «естественного принуждения», неопределенности причинности и свободы. Собственно Гегель относит каузальность у «материализму», причинность — к философии духа, конструируя эффект действующей причинности на эпистемологических основаниях. Гегелевский историцизм оптимистичен: жизнь не означает упадка⁶. Немецкий философ возвращается к принципу имманентности в детерминизме: его сущность эмерджентна, есть и реализующая и реализуемая цель в себе, «идея как инновация». Детерминизм обязывает к совершенству, когда последующая стадия превосходит предыдущую и человеку не остается ничего как содействовать прогрессу, имманентному перфекционизму.

В философской рефлексии и естественнонаучном детерминизме мы можем увидеть больше сходства, чем различия. Демонстрируется стремление свести теорию общества к «переделке» законов, что выглядит обоснованным в контексте «отсутствующей причины» Спинозы, когда субстанция не порождает непосредственную (каузальную) причинность, выступая в форме «Целого», трансцендентальной модели.

Можно согласиться, что естественнонаучное, декларируя эмпирицизм, тяготеет к упрощению, «агрегированной причине», «пустым» временным и пространственным структурам. Физические закономерности являются во вре-

⁶ Поннер К. Открытое общество и его враги. Т 2 М., 1992, С. 46

мени и пространстве неизменными и усовершенствованными. Изменения интерпретируются в экстерналиальном качестве: подобно неопределенности «разумности» в обществе природные явления обнаруживают упорядоченность, структурность, очищенные от «случайности». Иными словами, детерминизм Нового времени исходит из принципа редукции, холизма, внутренней связи и симметричности явлений природы и общества.

Параграф 1.3. «Антропоцентризм и детерминистские схемы» содержит анализ антропоцентризма как неклассической версии социального детерминизма. Подчеркивается, что оппозиция каузалizmu, которая воспроизводится в теории антропогенеза как биологического детерминизма представляет альтернативу в виде метафизической аргументации «творчества», свободы. Такой подход противоречив, потому что сбиваясь на телеологизм, имманентность, принимает априори установку линейного развития.

В диссертации подчеркивается, что усилиями оппонентов классического рационализма (С. Кьеркегор, Ф. Ницше) детерминизму предстояла нелегкая судьба: неудовлетворенность рациональности рефлексии «здесь и теперь» открыло путь к свободному выбору, что подразумевало снятие внешних ограничений, отнесение детерминизма к локальному сознанию.

Ф. Ницше парадоксальным образом выразил нигилизм: опроверг то, что в традиционном мышлении понималось в качестве действительного бытия, субстанции. Есть только становление и изменение видимого мира⁷. Соблазнительно провести аналогии с мифологическим сознанием, инверсионностью причинно-следственных связей и становлением, как доводом в пользу генетической причинности. Критикуя фикцию трансцендентального мира, который гарантирует детерминированность, немецкий философ разрушает дихотомию «общественное — природное», «случайное — обусловленное». И что изменяется, если случайность объявляется подлинной, а причинность лишней? Попытка реализовать антропологический проект в пике эволюционизму спекуляризированной по версии Ницше, форме креационизма была бы обречена на провал, если бы ни кризис концепции социального детерминизма.

Опровержение прогресса, как навязывания воли слабых сильным, отдает индивидуализмом и склонностью к индетерминизму действия. Ницше выводит аргумент «сильного независимого индивида», явно «природного», принадлежащего к Хаосу, как предтечи нового порядка. Неудивительно, что в философии Ницше рассматривается мысль о разрушении, распаде, исчезновении, предшествующими обновлению. Философский радикализм объективно прислоняется к мифологии, потому что из универсальности взаимодействия, зависимости от экстернализованных форм трудно извлечь новаторскую и инициативную социальную деятельность.

Подвергая сомнению гностицизм, Р. Генон пишет о профанической философии, которая выбрала рациональный порядок вместо истинной, традиционной и сверхрациональной мудрости⁸. Принципиальное неприятие

⁷ Скарбек Г., Гилье Н. История философии. М., 2000, С 585

⁸ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, С 20

естествознания, категориальных схем развития и детерминизма проще всего отнести к традиции эзотерики, мистики (Я. Беме). Однако, можно догадываться об антисциентизме, как конкретной мировоззренческой позиции, имеющей основания в теологизме. Пробираясь в дебрях метафизики, Ницше конструировал новую метафизику, трансцендентальность человеческого воления, индетерминизма и к нему приложимы упреки оппонентов рационализма: сверхрациональное знание апеллирует к фундаментальным принципам, подобно презируемой метафизике.

Теория антропогенеза содержит систему социальной инволюции человека, биологических и социальных детерминаций, что вызвало раздражение в антропоцентризме. Всякое изменение человека проблематизирует «сверхрациональное» знание, ибо мудрость не ситуационна и нуждается не в интерпретации фактов, как подразумевал Ницше, а в понимании.

В диссертации раскрывается историко-философский парадокс, состоящий в том, что натурфилософия Возрождения настойчиво подрывала авторитет аристотелизма, но почему-то в союзники взяла Галилея, Идеал «геометрического», математического знания, постулирование изолированных полей и абсолютной пустоты создали предпосылки для надстраивания социальной философии, аргументации взаимодействия и «робинзонады» в объяснении человеческой истории. И. Берлин полагает, что принцип Просвещения — универсальность, объективность, рациональность, возможность найти настоящее решения для всех истинных проблем жизни и мысли, а также наличие доступных рациональных методов всякому мыслителю⁹. Критиковать с позиции несогласия, разоблачения «бесформенного потока» не имеет смысла и цели. Однако в этом отрицании есть опасное заблуждение: если человек не рационален, спонтанен, остается сделать только один шаг, чтобы провозгласить его согласным к агрессивности и разрушению, как это сделал Ж. де Метр. И в зависимости как человеку присуща свобода духа он посылается после полного оцепенения рациональностью, то есть можно предположить и импульсивность, добровольное влечение к греху и порядку, свободу и стремление к порабощению.

В таком случае человек оказывается детерминирован инстинктуальностью и внешние ограничения (супер-Эго по З. Фрейду) вырабатываются не рациональностью, подвергающей сомнению авторитет, а так называемой «народной жизнью», традицией. Социальный детерминизм иррационален, то есть бессмысленно отвечать на вопрос «почему», если ответом является самосохранение. Непрочность рациональных институтов вызывает к естественному порядку (Э. Берк) и нет ничего удивительного в том, что индетерминизм является идеальным поводом, чтобы рассчитаться со свободой и рациональностью.

Если человеком и обществом движет не светлый разум, а наличие жестокости, что неведомо для антропоцентризма, обусловленность носит целевой характер, так как накладывается на общество в форме «принудительного покаяния». Лучше уберечь общество от саморазрушения, чем увлечься ра-

⁹ Берлин И. Философия свободы. М., 2001, С. 325

ционализированием коммуникации, общения, последним бастионом реальности по Ю. Хабермасу. Детерминизм не нуждается в рациональном объяснении, его принимают как данность несовершенного общественного бытия.

Отмечается, что антропоцентризм направлен на рефлексию социальности, как неоднородности, его интересует не общество, как система, не анализ «природных факторов» как у французских материалистов, самодостаточность, законы организации и взаимодействия становятся главными мотивациями философской драмы сторонников «антропоцентризма». Если философский запрос фиксируется на жизни индивида и отказе от «пустых теорий», опыт Аристотеля о «сознательном» телеологизме человека, о стремлении к Разумной воле не устаревает, созвучен, релевантен общественным страхам человека эпохи «технического прогресса».

Э. Кассирер справедливо отметил, что самое неприятное оказаться в роли «пророка, обещающего излечить все болезни общества» и не относит социальный детерминизм к инструментам социальной терапии, также ожидать от социальных философов системы социальных проектов не корректно. Эпоха модернити, цивилизации породила и проблему «свободы от страданий», что З. Фрейд назвал «массовой эпидемией XIX века». Детерминизм кажется полезным хотя по обстоятельствам самоограничения или запрета на безграничную социальную активность. Самостоятельность идей должна была сделать их хозяевами своей судьбы. В каких пределах должен был обозначен детерминизм, если прогресс техники усиливает чувство онтологической безопасности, а рост знания вдохновлял на мечты о ноосфере? И если не существовало такой силы, свехчеловеческой или естественной, на которую можно списать страдания людей, внимание сосредоточилось на феноменологии, деятельности человека, его самодостаточности или определенности, тождественности самому себе. Причинность перестала быть проблемой системности, холизма, оппозиции «природа — общество», она обрела новый облик в имманентности, внутренних отношениях людей, в суверенности деятельности, в смыслах, новации социальной жизни. Детерминизм как легитимация страдания, конечности человека, был обречен на забвение: речь шла о достижении всеобщего блаженства и благоденствия, о том, какие факторы, какие риски должен исправить человек, чтобы общество заметило справедливый порядок вещей.

В главе 2. «Принцип детерминизма в классической теории общества» представлен анализ теории общества как системы социального взаимодействия, институциональных социальных практик, направленных на интеграцию, стабильность и социальный порядок. Выявлено, что принцип социального детерминизма обосновывается с позиции прогрессизма и обособления общества как супранатуральной органической системы.

В параграфе 2.1. «Социальное действие и институциональный детерминизм» раскрывается роль классического социологического знания в построении конструкта институционального детерминизма как каузалистс-

кой схемы, исходящей из идеи разделения труда и взаимозависимости социальных ролей.

Принцип детерминизма вошел в пространство науки об обществе как один из фундаментальных принципов социологического теоретизирования. Можно сказать, что формирование современной социологии шло различными путями. В нем можно выделить биолого-антропологическую, политико-экономическую и политико-правовую составляющие.

При объяснении структуры социального действия в антропологической составляющей решался вопрос о том, можно ли хотя бы аналитически разделить процессы антропогенеза и социогенеза. Вообще идея социогенеза - это один из подходов к объяснению общества как феномена, но возможны и другие.

Следует заметить, что все попытки обособленного рассмотрения человека и общества терпят крах именно в рамках генетического подхода. Слишком неразрывны модели объяснения, причиной чего следует считать особые концептуальные требования, возникающие в связи с применением принципа детерминизма. Но данный детерминизм оказывается обоснован метафизически. «Становление человека есть прежде всего формирование его сущности. Но сущность человека — вся совокупность общественных отношений. Таким образом, антропогенез есть прежде всего социогенез, причем социогенез есть сущность антропогенеза. Иначе говоря, антропогенез и социогенез представляют собой две неразрывно связанные стороны единого процесса антропосоциогенеза.»

Наряду с антропологической, в формировании социологии приняла участие политико-экономическая линия, которая подчеркивала особую роль мотивации в объяснении человеческой активности. Со времен Т. Гоббса и Д. Юма понятие интереса было важнейшим объектом исследования. Переход от понятия экономического интереса, объясняющего поведение самого экономического рынка и его участников, к более широкому понятию социального интереса знаменовал собою расширение экономической модели. Формирование теории общества, показывающей последнее не как усложняющееся сообщество животных, а как совокупность активных индивидов, действующих согласно целеполаганию, в принципе мало изменило общий вектор развития социальной философии и социологии. Но особое значение имело направление, которое можно назвать политико-правовым. Именно благодаря этому направлению появляется понятие чрезвычайно важное для теории общества понятие социального института.

Не следует доказывать связь понятия социального института с действием принципа детерминизма, ибо если эталоном строгости являются фактуальные знания, детерминизм получает научную аргументацию в анализе материальных социальных фактов¹⁰. Э. Дюркгейм, которого можно назвать основателем классического социологического знания, представлял социальные

¹⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. С.-Пб., 2002, С. 31

факты в виде сил и структур, которые носят внешний и принудительный характер по отношению к действующим институтам. Собственно, введение социального института избавлено от некоторого раздвоения мысли, признания «внешней силы» и понимания телеологизма человеческой деятельности. На этих парадоксах личности играл «свою партию» антропоцентризм и сформулированные Э. Дюркгеймом положения об институционализации деятельности, об институциональных практиках обещало больше, чем защиту принципа научности, как того хотел О. Кант. Для того, что общество из сферы истории, описательности перешло в разряд «полеотетического», подчиняющегося общим закономерностям реальности, требовалась процедура согласования двух дискурсов: повествовательно-исторического и каузально-механистического, что и было осуществлено в проекте Социологии.

Направление предшествующе социально-философской мысли состояло в достаточно сложном дуализме «природа — общество», когда общество уподоблялось природе и декларировался уход от природы в недоприродность, культуру, историю. Недоговоренность, недоосознанность порождала обвинения философии в натурализме или, напротив, метафизике, трансцендентализме. Рассмотреть общество, как часть природы, обособленной от нее представлялось удобной и стратегически оправданной, чтобы применение принципа детерминизма к социальной реальности выглядело вполне обоснованным эпистемологическим критерием. Иными словами, то, что выражалось в форме аналогии с естествознанием или веры в «целостность» общества основывались на постулатах, которые могли в системе разделения знаний о фактах и знания о нормах считаться неубедительными.

В теоретической социологии принцип детерминизма изначально был связан с понятием социального порядка. В своей основной работе «Общественное разделение труда» Э. Дюркгейм опротестовывает договорную концепцию общества: для него существует «опосредование» в форме социальных институтов, иначе конфликт личных интересов неизбежно приведет к распаду общества, монодологии, но не лейбницевскому приему «продуктивной гармонии». Так как социальные институты являются постоянными объектами их легче представить ориентирами и регуляторами деятельности, изменчивой, субъективной, присутствующей на уровне интересов.

Подчеркивается, что если причинность проявляется только в сфере «общего», необходима редукция, социологи хотели не утруждать себя доказательством от «привычного» или ссылаться на доводы метафизики. Институт, как социальный факт, как регулярная и долговременная социальная практика, встроенная в структуру общества лучше всего формирует представление о том, что общество — система, образованная взаимодействием внутренних отношений, что изменение противопоставляет социальную метафизику и социальную динамику по Контю. Детерминизм Дюркгейма проявляет себя внутри социальной организации и априори снижают проблему перехода от досоциальности к социальности. Упреки антропоцентризма в принуждении человека кажутся «пафосными», но не подкрепленными какой-нибудь значимой аль-

тернативой. Институциональный детерминизм, который рассматривает общества, как квазидействие институциональных социальных практик, успешно отражает попытки со стороны «романтической» философской мысли. Более того, институциональный детерминизм предлагается и как базис социального реформирования, реальных дел, вместо очередной «революции в сознании».

Для современного социолога Н. Лумана общество является самоосмысливающимся объектом и одновременно самосохраняющимся субъектом¹¹. Вероятно, Н. Луман пытается выявить в обществе способность к самодетерминации, которая воспроизводится как «объективное», природное состояние. Общество самодостаточно в смысле его системности, независимости от до-социальности и недостаточно по отношению к окружающей среде, моральным и духовным условиям его существования. Дюркгейм поставил проблему социального детерминизма таким образом, чтобы исключалась апелляция к техническим состояниям человека в силу не самодостаточности, и к «природным» влияниям в силу самодостаточности.

Итак, классическая социология выдвинула в качестве социологического метода поиск причинных связей, конституирующей систему открытого типа, взаимодействующую с окружающей средой по аналогии с «новым оракулом». Для исследования общества безразличие процесса выявляет имманентных обусловленностей, той органической солидарности, которая дает возможность моделировать общество, как самодеятельную систему. Субъектная недостаточность является более значимой самодетерминацией, чем психологическое состояние и это воспроизводится социальными институтами, обеспечивающими непрерывность социальных изменений. Собственно, социальный институт характеризует окончательное прощание с социальной «устойчивости», в равной степени, как и с самореализацией общественных отношений, нахождением детерминизма в «адаптивных», приспособительных массовых реакциях. Ю. Хабермас постулирует, что философия отказывается от стремления к самообоснованию и последующему обоснованию, как оно представляется метафизике¹². Институциональный детерминизм превращает слово «факт» в базовое понятие, тем самым продлевая случайность, каковая приписывается социальности в классических моделях рациональности. Ничего нет кроме факта, а если последним считать социальный институт, исследователь должен отбросить сомнение в причинности, имманентном воздействии социального. Каузальность «интерпретируется», выступает в форме удобного ответа на тавтологический вопрос «почему индивиды действуют так, а не иначе». И дело не только в переносе внешней или действующей причинности.

На наш взгляд, предлагается весьма удобный выход из затруднения институционального детерминизма: если бы нормы относились к сфере личного, идеального, институт присваивает функции «договорных механизмов».

¹¹ Луман Н. Теория объектива и Теория общества С -Пб, 1999, С. 28

¹² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М., 2003, С. 162

В таком случае целесообразно изучить побуждения людей, признать правоту антропоцентризма и ссылки на детерминизм как акт доверия, признания зависимости от других¹³. Хотя ролевая дифференциация по Дюркгейму исключает духовную близость. В частности, экономические, правовые, политические институты апеллируют к необходимости соблюдения обязательств, проистекающих из несамодостаточности субъекта. Если социальная система создается посредством социальных действий, рост постулатизированного индивидуализма определяется логикой развития социальных институтов, которые разделяют независимые критерии действия¹⁴.

Иными словами, в саморазвитии социальных институтов содержится залог свободы, то есть дисперсии детерминизма, возможности индивида руководствоваться различными нормами и правилами.

В параграфе 2.2. «Проблема свободы в контексте принципа детерминизма» экспонируется проблема свободы, самореализации человека в социальной деятельности, основанной на признании социальной взаимообусловленности индивидуального и коллективного существования.

В диссертации отмечается, что одна из главных проблем социальной философии классической поры может быть сформулирована следующим образом. Если человек свободен от внешних обстоятельств, то его действия определяются его волей. Она есть главная, если не единственная причина всех последствий этого действия. И здесь встает вопрос об ответственности, который для социологии не является важным. Заниматься им социальная философия начинает благодаря заимствованию ряда тем из этики, теологии и юриспруденции. Например, вопрос об ответственности в юриспруденции переходит в вопрос о вменяемости. Возникновение социологии поставило под вопрос концепцию свободы человеческой воли и, как следствие, классическое понимание ответственности.

Выявлено, что можно провести аналогии учения Августина с теорией Дюркгейма, когда ответственность за происходящее с индивидом берет на себя общество. Эта теория и по сей день довольно популярна, в ней говорится о том, что человек — это продукт своего времени, своей культуры, социальной среды. Психологи будут настаивать на детерминированности поведения человека психотипом, психическими характеристиками личности и т.п. Известная теория З. Фрейда обуславливает поступки, решения и предпочтения конфликтами, пережитыми в раннем детстве. Этнология изучает обусловленность поведения этническими стереотипами. Культурология стремится понять, как культура влияет на действия людей. Несмотря на институциональную обособленность психологии, культурологии и этнологии, все эти виды детерминизма можно отнести к разряду детерминизма социального. Дело в том, что и этнос, и психика, и культура — феномены, которые в социальной философии объясняются как вторичные по отношению к обществу.

¹³ Селизмен А. Проблема доверия М, 2002, С. 80

¹⁴ Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке М, 2003, С. 68

Таким образом, социальный детерминизм рассматривает факторы, способные детерминировать поведение социального индивида. Говорить о свободе здесь можно, ибо смешение этих факторов, придание веса одному и уменьшение значения другого — результат свободного выбора. Почему человек в момент принятия решения вспоминает о своей этнической или культурной, религиозной или профессиональной идентичности, вопрос особый. Можно сказать, что социальная детерминация представляет собой несколько возможных линий обусловленности, выбор между которыми не кажется детерминированным, а если он и детерминирован чем-то, то это что-то скрывается от взора исследователей.

Любопытно, что термины сознания и термины воли не являются препятствием для введения в рассмотрение подобия физике. Так, Э. Фромм активно использовал понятие механизма применительно к феномену бегства от свободы. Рассуждая о психологическом значении фашизма, он отмечает, что в несложившейся или деформированной психике есть стремление избавиться от свободы. Более того, это стремление ищет некоторые механизмы, каким образом можно избавиться от свободы. К числу таких механизмов Фромм относит авторитаризм. «В первую очередь, — пишет он в своей знаменитой книге «Бегство от свободы», — мы займемся таким механизмом бегства от свободы, который состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности, слить свое «я» с кем-нибудь или чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду.»

Таким образом, мы встречаемся с одним из подходов к детерминистскому объяснению социальных явлений. Здесь нельзя говорить о полной редукции социального к психологическому. Одновременно с данной редукцией происходит и некоторое осоциаливание психического - распространение феноменов, прежде считавшихся исключительно психическими. Здесь скорее можно говорить о соединении психологии с социологией на равных основаниях. И предлагаемый им способ объяснения можно отнести к разряду социального детерминизма.

Установлено при анализе аргументации Э. Фромма, что автоматизирующий конформизм — это подавление своих подлинных желаний и такое усвоение чужих ожиданий, при которых они воспринимаются как свои собственные. Но за такое замещение человек платит и платит дорого. Исполнение желаний в большей или меньшей степени приносит удовлетворение. В случае с псевдожеланиями ситуация иная. Отсутствие удовлетворения показывает, что воля была неправильно направлена и чувство неудовлетворения становится мучительным.

Давно известно, что понятие свободы философы научились истолковывать детерминистски. Один из видов такого истолкования можно встретить у Гегеля и Маркса, когда свобода определяется как познанная или осознанная необходимость. О том, что данный вид свободы не является свободой в подлинном смысле, написано и сказано немало. Но есть и другой вид детерминистского объяснения феномена свободы. «Власть не обязательно должна

воплощаться в каком-либо лице, или институте, приказывающем что-либо делать или не делать; такую власть можно назвать внешней. Власть может быть и внутренней, выступая под именем долга, совести или «суперэго». Фактически вся современная мысль — от протестантства и до философии Канта — представляет собой подмену внешней власти властью интериоризированной.» Замена внешней власти совестью не является обретением подлинной свободы. Совесть даже может быть более суровой, ибо ее приказы воспринимаются человеком как свои собственные.

Думается, что наиболее точно соотношение свободы и необходимости в социальной жизни может быть понято на примере социального процесса. Уж коль физический детерминизм сформулирован для системы, проходящей через последовательность состояний, то и социальный детерминизм не может быть определен вне контекста социального процесса.

Параграф 2.3. «Социальное действие и целевой детерминизм» посвящен рефлексии концепции целевого детерминизма как альтернативы механическому детерминизму. Делается попытка осмыслить целевой детерминизм с позиции самодетерминации социального действия.

В диссертации установлено, что воспроизвести лапласовский детерминизм в полном объеме в теории общества не удалось. Человек обусловлен действующей или внешней причиной значительно менее, чем объекты классической механики. Слишком сильно на действие человека оказывают влияние его личностные качества, слишком много внешних факторов участвует в этом процессе. По этой причине социальные теоретики вновь вспомнили об аристотелевском учении о четырех причинах, заявив необходимость телеологического объяснения человеческой активности или, по крайней мере, дополнения каузального телеологическим.

С точки зрения классического детерминизма обращение к телеологии является разрывом с наукой. Еще раньше социальных философов и социологов о телеологии заговорили биологи, которым было значительно легче понять логику развития организма исходя из понятий целеполагания и целесообразности.

В этой связи следует подчеркнуть принципиальную недопустимость «сведения» обобщенной детерминации к одному какому-нибудь ее типу. Методологическая несостоятельность такого «сведения» оборачивается, как уже указывалось, серьезными научными издержками, что лишний раз подтверждает положение о том, что вопросы диалектики... обнаруживают существенную связь с определением стратегии научного поиска и продуктивных направлений развития наук.

Не менее существенным в этой связи представляется и положение о том, что любой материальный процесс включает в себя общее, особенное и единичное, каждое из которых самостоятельно значимо. Следовательно, применение философских категорий к анализу проблем науки не сводится к непосредственному их сопоставлению с некоторыми конечными результатами, полученными в тех или иных областях социального исследования. Это при-

менение философских категорий плодотворно лишь тогда, когда оно включается в реальные процессы социального научного исследования, в процессы создания «функционирования» научных теорий.

Последовательное проведение обобщенного принципа детерминизма в истории человека состоит в том, что человек рассматривается не только как продукт истории, но и как продолжающаяся история.

Социальная детерминация позволяет биологическому проявить его высшие потенции, получить максимальный простор для успешного развития. Это значит, что биологическое исчерпало возможности для самостоятельного развития и тем самым оказывается в относительной зависимости от социальной детерминации. Следовательно, биологическое на уровне человека как бы ограничивается рамками социального, причем социальная детерминация выступает неотъемлемым условием прогресса биологического. Социальная детерминация становится фактором, который, с одной стороны, ограничивает биологическое, а с другой — наоборот, способствует совершенствованию природных задатков человека.

Можно предположить, подчеркивается в диссертации, что абсолютизация предуготовленности к будущему неизбежно приводит к абсолютизации самого будущего, которому приписывается детерминирующая сила в виде целевой причины. Поскольку такая целевая причина только постулируется, цель по необходимости превращается в некое внеприродное мистическое творческое начало. Именно в этом состоит логика любых телеологических представлений. Но в отличие от таких построений категорию цели следует рассматривать как особую форму отражения действительности. При этом М. К. Макаров отмечает, что развитая, сознательная цель — есть мысленный образ результата в его отношении к порождающим его действиям. Цель отражает, таким образом то, что еще только может или должно возникнуть, выступая в некотором смысле как отражение будущего.

При оценке целевой детерминации необходимо учитывать, что пришедшая из прошлого и реализующаяся в настоящем цель есть не что иное, как память. Но это означает, что аппарат памяти формирует, накапливает и хранит следы прошлого ради их использования в будущем. Важно отметить, что в будущем могут быть использованы только такие следы, которые «учитывают» как общность, так и наиболее вероятные различия разнесенных во времени мутаций — настоящего и будущего.

Наиболее полно учение о целеполагающем действии представлено у М. Вебера, который в своей теории социального действия выделяет четыре типа такого действия. Основанием для различения является характер человеческой активности. В зависимости от его наличия и содержания можно выделить целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное.

В диссертации содержится вывод о том, что будущий результат, цель — это не только модель потребного будущего, но и средства достижения этого «предвидимого» будущего. Цель выступает как реалистический прогноз, во-

первых, потому, что в прошлом такая «цель» уже достигалась, во-вторых, потому, что в конечном счете известен арсенал средств достижения данной цели. Больше того, в диалектически снятом виде цель включает и пути ее реализации. Та или иная ситуация во взаимоотношениях организма и среды превращается в цель лишь тогда, когда имеются в наличии средства возобновления этой ситуации, т.е. средства достижения данной цели. Будущее потому потребно, что оно достижимо. Потребное для человеческого организма - это достижимое. Принципиально недостижимое не может стать потребностью. Именно поэтому модель потребного будущего, вырастающая из принципиально удовлетворимой потребности, обладает реальной детерминирующей силой.

В главе 3. «Интерпретативная теория социальной реальности» рассматривается становление так называемой реляционистской теории общества, основанной на субъектности социальных отношений, социальном конструировании объективной реальности и анализе социальной коммуникации как самореферентной системы.

В параграфе 3.1. «Формирование постклассической социальной философии» обосновывается становление неклассического философствования, что было связано с выявлением методологической ограниченности классических образцов рациональности и поиском адекватных ответов на неклассическую ситуацию фрагментированного социального пространства.

До начала XX века в интерпретации философских учений господствовала тенденция приведения всех понятий к единому знаменателю. Казалось, что концептуальный аппарат философии усложняется и совершенствуется по мере ее развития, но вводимые философами понятия фиксируют нечто, объективно существующее в мире или разуме. Поэтому учения и системы содержат разные схемы мира и мышления, но содержание понятий и их смысл остаются неизменными.

Данная точка зрения поддерживалась, с одной стороны, верой в то, что понятия отражают некую действительность, а с другой стороны, - техническими требованиями рациональной дискуссии, выраженными в законе тождества. Этот закон формальной логики фактически представляет собой требование точного определения всех понятий и сохранение этой определенности на протяжении всего рассуждения. Но поскольку все философское предприятие мыслится как единая дискуссия, то и требование точной формулировки сохранялось. Если же отойти от данного требования, то философия перестает быть наукой, а ее понятия не могут претендовать на выражение некоего объективного содержания.

Таковы главные соображения в пользу единства концептуального аппарата, приводимые с точки зрения догегелевской философии. Напомним, что до Гегеля философы различных эпох воспринимались как участники одной дискуссии, выходившие по очереди за трибуну и излагавшие свои доводы в пользу некоторой (собственной или нет) точки зрения. Их разногласия касались разного понимания мира или познания, бытия или мышления. Но спор

по поводу двух или трех дефиниций становится невозможен, если поставить под сомнение все остальные. Поэтому подавляющее большинство понятий считалось четко определенным.

Выявлено, что главные мотивы преодоления классицизма содержатся в трех ветвях философской мысли XX века: прагматизма, феноменологии и аналитической философии. Прежде всего было подвергнуто критике представление познания как субъект — объектной структуры. Критике подвергались теории Декарта, Канта и Гегеля. Конструирование объекта оказалось слишком сходно с конструированием технического приспособления.

Постклассическая философия многолика. До сих пор нет ни только единой концепции постклассики, но и признанного набора фамилий, с которыми данное направление можно было бы идентифицировать. Наиболее распространенным считается определение, согласно которому постклассическая философия — это философия после лингвистического поворота. О его мотивах и следствиях следует сказать отдельно.

Классическая концепция мира исходит из идеи его рационального устройства, которое есть следствие некоторых очевидностей действующего и созидającego ума. Но из идеи такого соответствия вытекает объектность всего познаваемого. «На уровне теоретического анализа указанные объекты (социальное устройство, знаки языка, экономические символы продуктов труда и потребностей и т.д.) принимаются, следовательно, за прозрачные вещественные одеяния, выполнения «чистого сознания», целиком и непрерывным образом удерживающиеся в рамках самосознательного отношения к ним их агента и носителя.»

Преодоление классики начинается с осознания сложившейся ситуации, которая впервые расценивается как кризисная. Как отмечают многие философы, изменилось соотношение между действием объективных законов общественного развития и деятельностью общественного и массового сознания. Выросла роль управляемого сознания, оно становится доминирующим. Впервые сознание как нечто обусловленное внешними факторами определил Маркс. Вопреки иным теориям сознания, Маркс выделил его несамодостаточность и вовлеченность в деятельность более сложной системы. Поэтому Маркса по праву называют одним из основателей неклассической философии.

Обосновывается положение, что неклассическая философия — это прежде всего осознание того обстоятельства, что сознание не есть вещь. Индивидуальное сознание обусловлено общественным сознанием, а то, в свою очередь, обусловлено общественным бытием. Как отмечает В.И. Толстых, «человеческое сознание, в диалектико-материалистическом его понимании, возникает, функционирует, развивается как продукт взаимодействия человека с действительностью (природной и социальной) и проявляет себя как специфически общественное явление в процессе социально-исторической практики людей». Без общества невозможно помыслить себе человека, а без человека не существует и сознания.

Неклассическая социология развивается в четырех основных направлениях. Во-первых, это герменевтико-феноменологическое направление, у истоков которого находится А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др. В некотором роде их предшественником можно называть И. Гофмана. Данное направление подчеркивает невещественный характер социальных отношений и важность интерпретативной активности социальных субъектов. Специфической темой феноменологической социологии является повседневное как источник смыслообразования.

Во-вторых, неклассическая социология опирается на новое истолкование практики. Речь идет о теории габитуса П. Бурдьё, Р. Ленуара, Д. Мерлье и др. Здесь тематизируется различие между теоретическими и практическими типами смыслообразования. В-третьих, можно говорить о влиянии на социальную мысль теории речевых актов Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Дж. Серла, Ю. Хабермаса и Н. Лумана. И, наконец, в-четвертых, неклассическая социология испытывает влияние постмодернизма, что представлено в работах З. Баумана, Р. Бхаскара и Э. Гидденса.

В социологии очень многое из сложной феноменологической философии не сохранилось. Более того, получившийся симбиоз трудно отнести к разряду социологии, ибо здесь скорее вид социальной философии, ибо здесь нет ни большой теории, ни тем более хорошо отработанной практики в виде масштабных социологических исследований.

Необходимо отметить, что в классической социальной философии теории фактически уходили от вопроса о соотношении универсального и особенного в каждом единичном случае действий и взаимодействий людей. Этот пункт уже рассматривался в первой главе, когда анализу подвергалось различие между лапласовским и энгельсовским пониманием детерминизма, а также во второй главе, где выявлялась позиция Дюркгейма. Напомним, Лаплас отрицал любую случайность, хотя это и было возможным исключительно на уровне тех моделей, где все детерминировано посредством динамических законов, записанных в виде дифференциальных уравнений. Слабость данной позиции состоит в том, что Лаплас рассматривал не реальный мир, а его математическую модель. Но в ней и не могло оказаться ничего случайного, ибо математическое моделирование призвано исключить случайность.

Обращение к сфере смыслообразования и интерпретации смысла в корне меняет ситуацию. Не случайным становится многообразие поведенческих реакций, ибо интерпретативная деятельность смешивает внешнее с внутренним и от этого смещения зависят отдельные черты интерпретации. Но интерпретативная деятельность является функцией личности, наделенной определенной биографией, определенной повествовательной идентичностью, единством рассуждения и действия. Здесь единичное становится уникальным, обретает статус уникального, а универсальное отступает на второй план. И перед исследователем встает новая задача - постижения логики уникального, изучения механизмов реализации личности прежде всего в интерпретации, а не в избираемой системе целей и ценностей.

Таким образом, можно заключить, что развитие постклассической социальной философии было обусловлено новым пониманием социальных явлений, сформировавшимся благодаря развитию микросоциологии. Символический характер социальной реальности и интерпретативный компонент социального действия были учтены благодаря радикальному пересмотру онтологических допущений и методологических принципов классической теории общества. Наиболее существенным оказался переход к ненатуралистическим моделям социальной реальности, отказ от объективизма в пользу субъективизма и пересмотр значения теорий макроуровня для объяснения событий на микроуровне.

В параграфе 3.2. «Герменевтика социального субъекта» выявляются теоретико-методологические основы герменевтики, ее объяснительных способностей и эвристического ресурса. Анализ социальной герменевтики позволяет утверждать, что ее эпистемологическая программа основывается на концептуальности текста и отстаивании связи между мышлением и социальной коммуникацией как символическим универсумом.

Герменевтика как метод философского познания сформировалась в середине XX века на основе феноменологического метода. Ее познавательные возможности сразу же по достоинству были оценены теми, кто занимался исследованием общества. Герменевтика как течение в философии является довольно новым явлением, ибо здесь герменевтика определяется как теория операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов.

Можно предположить, что герменевтика позволяет по-новому взглянуть на проблему понимания. Проблема понимания предстает как одна из главных философских проблем, но постановка этой проблемы в разные века была совершенно различной. Специфически новой тематизацией понимания является его противопоставление объяснению. По крайней мере, данные термины уже не рассматриваются как синонимы.

Объяснить явление можно не прибегая к пониманию, а задав лишь его механическую аналогию. Оказывается, объяснение не обязательно должно быть целостным. Так, например, С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский считают, что научное объяснение призвано решить какую-то задачу, когда не требуется рассматривать всю вещь, но достаточно какой-либо ее модели. «Если объяснение всегда строится на основе отдельного принципа, закона и т.д., то понимание есть постижение явлений во всей их целостности. Понимание выступает характеристикой целостности знания, предлагающего различные объяснения, единства его осмысленности.»

Напомним, что в научном изучении явления, оно редуцируется до уровня объекта, а объект, в свою очередь, редуцируется до уровня предмета. Предмет можно определить как идеализацию и конструирование объекта, как явление, взятое под определенным углом зрения. В основе понимания, утверждает герменевтическая традиция, лежит обращение к вещам как таковым, до их превращения в объекты и тем более в предметы. Тогда то объяснение и приобретает искомую целостность, становясь пониманием.

Согласно ориентированной на символическую логику позитивистской философской традиции, понимание как и истина трактуется с логико-лингвистических позиций. Истиной называется условие употребления данного слова. «Понимание языкового выражения — это подведение значений входящих в него слов под соответствующие представления.» Другими словами, все то же соответствие между значениями (смыслами) и означаемыми с их помощью вещами. При этом невозможно противопоставлять объяснение и понимание.

Понимание связано с усвоением знаний, что предполагает его включение в уже имеющиеся знания, взаимное согласование первых и вторых. Такова когерентная теория истины. В современной логике принято выделять два типа понимания: сильный и слабый. Сильным пониманием считается подведение интересующего нас явления под некую схему или закон, т.е. под универсальное высказывание.

Философская герменевтика представляет собой одно из следствий лингвистического поворота, когда язык перестал трактоваться как средство выражения мысли и организации взаимодействия. Язык превратился в первичный феномен, дающий значения вещам и мыслям. Такая онтологизация языка делает его самодостаточным и первичным среди всего сущего.

Можно сделать вывод, что переход от герменевтики текста к герменевтике социальных наук означает не только необходимость понимания действий людей, но и обращение к проблеме предпонимания. Как отмечают специалисты, между предпониманием в области текста и в области социальной практики существует высокая степень сходства.

Анализ позволяет предположить, что герменевтика социального субъекта иная, нежели классическая герменевтика. Невозможность вывести социальный субъект за рамки коммуникации, противопоставить его социальному объекту лишает его тех признаков, которые существенны для картезианско-кантианской парадигмы. Социальный субъект лишен квазипространственной системной определенности моноцентрического типа. Социальный субъект полицентричен и погружен в децентрированный жизненный мир, а его логика определяется прагматикой коммуникации.

Параграф 3.3. «Язык и социальное конструирование мира: новая версия социального детерминизма» раскрывает сущность так называемого лингвистического поворота в понимании принципа социального детерминизма. Представление об обществе как языковой реальности, совокупности утверждений о нем, делает возможным обращение к гомогенному рефлексивному пространству и интерпретации социального детерминизма как очевидности и самодостаточности социального субъекта.

Следует отметить, что лингвистический поворот позволил по-новому взглянуть на реальность. Не мысли и ощущения предстали как источник знания и как то, что может соответствовать или не соответствовать вещам. Слова предстали как антиподы-двойники вещей, а логика была поставлена в зависимость от грамматики. Мир, согласно концепции лингвистической филосо-

фии, представляет собой совокупность высказываний о нем. Идеи позднего Витгенштейна о том, что язык - это деятельность, позволили взглянуть на мир, как на постоянно возобновляемый итог социально обусловленной лингвистической деятельности.

Общество конструирует реальность прежде всего как реальность повседневной жизни. Именно этот вид реальности социален по преимуществу. Человеческая экспрессивность объективируется и эти объективации существуют в неявном виде как некие смысловые единства, выполняющие роль норм и образцов. Объективации регулируют поведение людей и тем самым выступают как объективности. Источниками объективаций являются субъективности, которые существуют в виде интерсубъективного единства. Реальность повседневной жизни становится возможна лишь благодаря объективациям.

Объективации наделяются смыслом в ситуациях лицом-к-лицу, т.е. когда один человек сталкивается с другим, то он выбирает необходимую объективацию, соответствующую той статусно-ролевой структуре, которая складывается в процессе общения. «Язык возникает в ситуации лицом-к-лицу, но может быть и удален от нее... Корни отделенности языка — в способности передавать сообщения, которые непосредственно не выражают субъективности «здесь-и-сейчас»... язык может стать объективным хранилищем огромного многообразия накопленных значений, жизненного опыта, которые можно сохранить во времени и передать последующим поколениям.»

Эта способность языка действительно делает его главным действующим элементом социального конструирования реальности. Знания накапливаются в тех «хранилищах», которые образовались благодаря природе языка. Знания производятся автоматически, когда стихия языка начинает свое действие. Знания потребляются также благодаря возможностям и средствам, которыми располагает язык. Если прежде казалось, что знания структурируются в тех формах, которыми их наделяют мысли и чувства, то теперь ясно, что именно лингвистические формы являются определяющими.

В теории социального конструирования особое внимание уделяется социальному распределению знания. Различные модели социализации отражают сегментарный характер социальной реальности, ее дифференцированность. Соответственно социальному неравенству, как горизонтальному, так и вертикальному, неравномерно распределяется и знание. Такая дифференциация становится возможной благодаря наличию различных субкультур, таких как субкультуры различных возрастов, различных профессий, различных групп потребления, групп, различающихся имущественно или отношением к власти. Вообще то неравенство само можно представить как социальный институт и неравномерность распределения знания можно считать одним из механизмов данного института. При помощи неравенства общество поддерживает нужные ему на данном этапе виды активности, востребованные навыки и умения. И здесь картина распределения знания показывает нам, какие именно социальные слои поощряются и почему.

Подчеркивается, что важно понимать логику наложения контекста. «Язык предусматривает фундаментальное наложение логики на объективированный социальный мир. Система легитимаций построена на языке и использует язык как свой главный инструмент. «Логика», таким образом, приписываемая институциональному порядку, является частью социально доступного запаса знания и само собой разумеющийся в качестве таковой.» Интеграция институтов в систему действия также легитимируется в терминах миропорядка.

Лишь небольшая часть знания может сохраняться в памяти индивида. Здесь же речь идет о совершенно иной форме знания, значительно более интенсивной. Это знание седиментируется (застывает) в языке, приобщение к которому открывает путь к данному знанию для всех желающих. Язык содержит систему имен и их значений. Эта система и воплощает прежний опыт, трансформировавшийся в знания. Семантика, синтактика и прагматика, каждая по-своему, фиксирует опыт и сохраняет его в виде знаний-значений.

Таким образом, возник вопрос о соотношении универсального и уникального в символических универсумах, которые мы определяем как нетождественные. Этот вопрос получил освещение в рамках полемики цивилизационного и формационного подходов. Данная полемика не столько способствовала победе одной из сторон, но, в полном соответствии с законом диалектики о единстве и борьбе противоположностей, привела к мнению о зависимости реальности от знаний о ней, т.е. от определения реальности. Таким образом, данный вопрос породил новый вопрос — вопрос о соотношении определения и производства реальности.

Условия, при которых язык становится формой хранения знания, исследует Н. Луман в своей статье «Конституирование языка в повседневной жизни». Здесь отмечаются следующие условия, при которых конституируется язык:

- 1) объективность звука, т.е. независимость звука от индивидуального сознания, опыта и психологических особенностей индивида;
- 2) экспрессивность звуковых последовательностей, т.е. возможность соединять звуки в некие структурные целостности и выражать с их помощью определенные значения, соединять атомарные целостности в молекулярные;
- 3) указание типических форм поведения, совершаемое при помощи глаголов, типизирующих виды действия;
- 4) трансформация выражения в действие, взаимосвязь выражения и действия, построенная по принципу детерминизма в его классической трактовке;
- 5) объективация субъективного опыта посредством выражения, включение определенного смысла в совокупность знаков;
- 6) интерпретация субъективного опыта в процессе межсубъективного «отражения».

Обращают внимание на то, что лингвистические формы хранения знания эффективны тогда, когда они отрываются от условий, в которых они воз-

ники. Но это и обеспечивается особыми свойствами языка как средства хранения и переработки информации.

Лингвистические формы отделены от процессов, протекающих в индивидуальных сознаниях. Это обеспечивается способностью языка отделять и фильтровать все субъективное от универсального и общезначимого. Лингвистические формы отделены от обстоятельств места и времени, ибо они содержат в себе возможность переводить эти факторы на уровень содержания. Таким образом, речь можно определить как особую форму социального действия, тогда как язык - это инфраструктура этого действия.

Подчеркивается, что новое понимание природы языка позволяет сделать вывод о том, что понятие социального детерминизма должно учесть фундаментальные изменения, связанные с переходом от субстанциализма социального действия к новой парадигме. Теперь язык предстает как некая стихия, порождающая определенные формы зависимости, представление которых возможно путем их опространствления. Социальный детерминизм предстает перед нами как детерминизм смысловой. Одни значения обуславливают другие по схемам своей особой логики — логики смысла.

Таким образом, можно заключить, что язык представляет собой силу, творящую социальную действительность. Язык представляет собой одну из форм существования знания, отличающуюся высокой степенью латентности. Знание в языке оторвано от смысловой основы своего появления и не предполагает осмысленного его использования именно как знания. Овладевая языком человек получает некую совокупность представлений о действительности, а также о модели индивидуального и коллективного действия.

Глава 4. «Новое понимание социального детерминизма» содержит анализ коммуникативного типа социального действия, который в отличие от инструментальной, прагматической версии, направлен на обоснование общества как жизненного мира. Выявлено, что жизненный и мир и общественная система взаимодополняют друг друга, что необходимо дополнить описание социального детерминизма выявлением конститутивного значения культуры.

В параграфе 4.1. «Детерминанты коммуникативного действия» определяется сущность коммуникативного действия как нового понимания рациональности, связанного с коммуникативной парадигмой общества.

Подчеркивается, что первые коммуникативный тип социального действия начинал исследовать Ю. Хабермас. Его концепция является высокоинтегративной, ибо в ней объединяется большинство философских и социологических теорий XX века. Среди теоретических предпосылок данной концепции можно найти неомарксизм или критическую философию франкфуртской традиции, веберовскую теорию рационального действия, парсонсовскую теорию социальных систем, феноменологическую философию и социологию естественной установки, герменевтику, теорию языковых игр и речевых актов и многие другие направления. Поэтому можно говорить об истоках, но «плави́льный котел» данного учения с неизбежностью изменяет и реинтерпретирует идеи и понятия, приспособлявая их друг к другу.

Рассмотрение концепции коммуникативной теории общества целесообразно начать с различения двух видов действия: стратегического и коммуникативного. Как уже отмечалось, М. Вебер разделял целерациональное и ценностно-рациональное действие. Первое детерминировано промежуточными целями, т.е. целями, которые осмысливаются как будущие средства, подлежат рациональному расчету. Второй вид действия детерминирован конечными целями, не поддающимися переводу в средства, т.е. ценностями.

В какой-то мере идею разделения двух видов действия обосновывает Хайдеггер, противопоставляющий два вида мышления: калькулирующее и осмысляющее. Согласно этой позиции, опирающейся на идеи романтиков, вещи можно мыслить или как средство, или как цель, в зависимости от обстоятельств рассуждения. Но есть предметы, которые не могут выступать как средства, ибо они являются целями по своей природе. Так, например, одна из формулировок кантовского категорического императива запрещает одному человеку видеть в другом человеке средство для достижения своих целей.

Противовесом калькулирующему мышлению предстает мышление, в котором возникает вопрос о смысле. Продолжение этой линии связано с проблемой использования языка. Хабермас привязывает к данной дифференциации функциональное различие языковых возможностей. Язык определяется как средство передачи информации, и как основа социальной коммуникации, т.е. социальной интеграции. Соответственно, все действия можно разделить на инструментальные и коммуникативные. «Мы называем ориентированное на успех действие инструментальным, если его рассматриваем в аспекте следования техническим правилам действия и оцениваем степень эффективности интервенции во взаимосвязь состояний и событий.»

Инструментальным называется здесь действие, которое можно считать средством для чего-то иного. Оно включено в более широкий план действий и само по себе не представляет значимости. При этом вопрос об объекте интервенции неважен. В равной степени речь может идти как о внешней природной среде, так и о среде социальной. Если индивид стремится к изменению социальной ситуации, то его действия ориентированы на жизненный успех и могут быть оценены в терминах соотношения прогнозируемого и достигнутого, в этом смысле они являются инструментальными.

В диссертации отмечается, что коммуникативное действие отличается от стратегического по самой сути. В коммуникативном действии не присутствует калькуляция успеха, исходящая из эгоцентрически сформулированных целей. «В коммуникативном действовании участники не являются первично ориентированными на собственный успех; они преследуют свои индивидуальные цели при том условии, что они могут согласовать друг с другом свои планы действия на основе общего определения ситуации. В этом случае согласование определенных ситуаций является существенной составной частью потребных для осуществления коммуникативного действия интерпретаций.»

Жизненный мир мог бы быть представлен как картина мира, мировоззрение и т.п. Но в том то и дело, что жизненный мир не является системным образованием. Он принципиально донаучен и дотеоретичен. в нем не происходит систематизации смыслов, они накапливаются естественным образом, не группируясь и не выстраиваясь в некие законосообразные последовательности.

Можно сделать вывод, что культурное восприятие мира не только структурирует мир, но и приписывает ему порядок внутрискруктурных связей как в пространстве, так и во времени. Главную роль здесь играет умение выявить причинно-следственные связи как на уровне внешней каузации, так и на уровне самодетерминации или спонтанности. Третий элемент — ценности — представляет собой совокупность убеждений о целях, стремиться к которым предписывает общественное мнение и традиция. Часть ценностей имеет моральную природу, другая относится к представлениям о жизненном успехе и т.д. Набор ценностей может меняться весьма существенно от эпохи к эпохе и от культуры к культуре.

Понятия, отношения и ценности, образуя единую систему, позволяют выработать систему правил, предназначенных для регуляции поведения людей. Этот четвертый элемент призван стать заключительным элементом культуры, понятой в качестве универсального механизма и целостного организма, обеспечивающего важнейшие аспекты существования всех без исключения социальных образований.

Социальный жизненный мир — это прежде всего культурный жизненный мир. Гуссерль пытался построить концепцию жизненного мира на основании трансцендентальной теории сознания. Шюц и другие социальные феноменологи разуверились в возможностях трансцендентального подхода и обратились к идее социальной продуктивности. Современные исследования в области культурной и социальной антропологии природный и социальный мир выражаются в картине мира, создаваемой в ходе социокультурного освоения действительности.

Картина мира может быть представлена как единый логико-словесный конструкт, аналитически распадающийся на два относительно автономных конструкта второго порядка: логический и языковой. Каждый из данных конструктов - и логический, и языковой — создает свою особую модель действительности. Логическая модель подчиняется формальным правилам мысли. а языковая - правилам грамматики. Используя при изучении феномена относительной самостоятельности языковой картины мира информационный подход, исследователи пришли к выводу, что языковую картину мира образуют два особых вида информации: «(а) информацию, носителем которой является язык, но по генезису и содержанию - она логическая (это та часть картины мира, которая полностью покрывается логической моделью) и (б) информацию, которая находится за пределами логической модели и которая по генезису и содержанию является сугубо языковой».

Выявлено, что интерсубъективное не является ни субъективным, ни объективным. Субъективное по своему замыслу означает, что у субъекта наряду с рациональным стремлением к истине присутствует эмоциональное стремление к реализации воли, сформулированный или интуитивно преследуемый интерес, влияние прежнего опыта и различных установок. В объективном знании всего этого нет, но достижимо ли оно? Как показали исследования в области современной эпистемологии, объективность достижима лишь в формализованных теоретических системах. Там же, где от систем переходят к практическим действиям, объективность постепенно дополняется субъективными включениями.

Если Гуссерль и Шюц рассматривали жизненный мир прежде всего с точки зрения интерпретации, то для Хабермаса и Лумана жизненный мир — это прежде всего возможность целеполагания и действия. «Сам жизненный мир не может пониматься по аналогии с гомогенной структурой целостного сообщества; современный жизненный мир — децентрированное образование, отмеченное плюрализмом частных интересов, жизненных проектов и картин мира.» Коммуникация позволяет объяснить, каким образом происходит постоянное движение и изменение смысла и значения и каким образом в процессе коммуникативного взаимодействия достигается консенсус воли и интереса.

Итак, главными линиями, детерминирующими процесс социального взаимодействия, являются коммуникативно-информационные и интерпретативно-коммуникативные процессы. Первые связаны с циркуляцией определенных значений, а вторые с их интерпретацией. И первые, и вторые связаны с активизацией нетематического знания и его превращением в тематическое и ситуативное знание. При этом индивидуальность деятелей проявляется на уровне соединения ситуации и темы.

Параграф 4.2. «Знание как фактор общественного развития» представляет экспликацию концепции превращения знания в самодетерминанту общественного развития. Подчеркивается, что знание представляет не только эпистемологическую структурную единицу, но и включено в систему социальной самореференции.

Согласно истории науки, в древних цивилизациях происходит существенный рост знания, его качественное изменение. Оно уже имеет предтеоретическую и предфилософскую основу. Существенно расширяется круг специалистов, занимающихся продуцированием и репродуцированием социально полезного знания. От первобытного шамана и колдуна, который был универсалом в вопросах знания, общество переходит к сообществу жрецов, целителей, техников. Разделение труда делает труд интеллектуалов все более специализированным. Общество усложняется и дифференцируется. Распределяется и усложняется власть, производство, культура. Социальная коммуникация становится многослойной.

Пиком развития знания в рассматриваемый период становится Древняя Греция, где мышление впервые поднимается до уровня теоретического.

На недостижимую высоту поднимается и роль, которую знание выполняет в обществе демократических полисов. Оно впервые становится публичным, а его социальная значимость осознается и превращается в тему для обсуждения. Нет ничего удивительного в том, что Аристотель стремится опубликовать свои произведения, не взирая на явное неодобрение Александра Македонского.

Главным отличием знания, применяемого в Древнем мире от знания, получившего распространение в доисторическом обществе, является профессионально-именной способ его хранения и ретрансляции. Этот тип трансляции знания характеризуется «передачей знаний членам единой ассоциации людей, сгруппированных по признаку общности социальных ролей, где на место индивида заступает коллективный хранитель, накопитель и транслятор группового знания, так передаются знания-проблемы, жестко привязанные к конкретным познавательным задачам.»

Знания древних были представлены как знания, неотделимые от умений. Необходимый уровень эффективности не позволял пренебрегать подобными знаниями, но даже доказавшие свою эффективность, знания нуждались в систематизации, для чего включались в мифологическое повествование.

Объяснение природных явлений и социальных действий других людей лишь позднее начинает различаться. Первоначально они производятся на основании одних и тех же схем. Более того, эти схемы неотделимы от схем, предписывающих действия. Потребность в рассуждении и в идентификации происходящих событий есть, но она минимальна. Да и возможности рассуждать пока еще не велики.

Однако социальная роль знания колоссальна уже в доисторическом обществе, ибо знание организует людей в общество, дает ему понятия, смыслы, а также символы, необходимые для создания и передачи смысла. Знание об обществе способствует нормальному протеканию процессов коммуникации между его членами. Поэтому, наряду с объяснительной, мы должны выделить также коммуникативную функцию знания.

Таким образом, социально значимое знание поддерживает институциональный порядок в обществе. Самые примитивные социальные порядки немислимы без знания, которое содержится в рассказах о сотворении мира, заселении его живыми существами и наполнении вещами, происхождении человека и общества, формировании природных стихий и человеческих устоев и обычаев.

Процесс социализации предполагает овладение определенными навыками и умениями, но, прежде всего, знаниями, которые закрепляют умения и навыки. Эти умения не только творятся, но воспроизводятся. «Человек наделяет смыслом слова и предметы, либо уже имеющиеся в культуре образцы, либо создавая новые, ранее не бывшие смыслы. В обоих случаях происходит осмысление-понимание, хотя между ними заметно различие. Повторение образца, «парадигмы», выступает как способ «подключения» индивида к куль-

туре, тогда как создание нового смысла - вклад индивида в культуру, увеличение «смыслового фонда».

В диссертации содержится вывод, что функции знания проявляются еще до системной дифференциации общества и сопровождают его на протяжении всей истории человечества. К числу данных функций следует отнести:

- 1) объяснительная функция;
- 2) прогностическая функция;
- 3) деятельностьная функция;
- 4) информационная функция;
- 5) смыслопорождающая функция;
- 6) коммуникативная функция.

Если рассматривать знание как систему, то в ней нельзя выделить шесть подсистем, соответствующих данным функциям. Одно и то же знание может быть использовано для выполнения различных функций, без изменения собственного содержания.

О социальной основе культурного роста прекрасно сказано Н.В. Гоголем в «Петербургских записках 1836 года». Он отмечает, что важной составляющей расцвета культуры является социальная дифференциация. Характеризуя цветущую сложность формирующегося петербургского общества, Гоголь писал: «так же мало коренной национальности и также много иностранного смешения, еще не слившегося в плотную массу. Сколько в нем разных наций, сколько и разных слоев общества. Эти общества совершенно отделены: аристократы, служащие чиновники, ремесленники, англичане, немцы, купцы — все составляют совершенно отдельные круги, редко сливающиеся между собою... И каждый из этих классов, если присмотреться ближе, составлен из множества других маленьких кружков, тоже неслитых между собой.»

В диссертационном исследовании подчеркивается, что провозглашение Н. Макиавелли принципа целесообразности разрушает привычную схему сотворенности общества и концентрирует внимание на так называемых профанных целях, для которых знание выступает средством. Политическая теория изменяла способы социального взаимодействия в значительно большей степени, чем это принято думать. «Появление латинских переводов таких сочинений, как «Политика» Аристотеля, — пишет Ф.Ч. Коплстон, — изменило характер политической теории средневековья... Аристотель полагал, что человек, который не испытывает потребности в обществе, есть или зверь, или бог — существо или низшее, или сверхчеловеческое. А под обществом он подразумевал главным образом политическое общество, каким знал его в Древней Греции, — общество, которое было нерелигиозным, но совпало с греческим полисом, или городом-государством.»

В диссертации отмечается, что со времен О. Конта теория современного общества претерпела радикальные изменения, но главная идея — идея особой роли научного знания — осталась без изменения. С. Хантингтон характеризует современные общества как урбанистические, индустриальные, грамотные общества, относя к ним общества Западной Европы и Северной Америки.

ки. «Современность» здесь определяется как бихейвиоральная система, связанная с западными обществами лишь исторически, а не метафизически. Продуктом современности является самостоятельно мыслящий индивидуалист, способный к политической и социальной активности, признающий право каждого самостоятельно добиваться богатства и положения.

Главными факторами современности выступают рационализация и формализация социальной жизни, что выражается в особой роли права и демократическом самоуправлении. Парадоксально, но политические институты должны поддерживаться благодаря научному мышлению и особой роли науки. В этом состоят идеалы Просвещения. Просветителям казалось, что главным условием политического, правового, экономического, социального и морального прогресса является приобщение граждан к новейшим достижениям науки. Не случайно такое значение придавалось сведению всех научных знаний воедино путем публикации первой энциклопедии, которая называлась «Энциклопедия или толковый словарь наук, искусств и ремесел».

В диссертации содержится положение о том, что наряду с неявным знанием, запечатленным в языке, существует особый тип явного знания, формирующий общество, конструирующий и конституирующий социальную реальность. Во всем многообразии человеческого знания, которое может быть разделено на теоретическое и эмпирическое, теоретическое и обыденное, научное и приблизительное, глубинное и информативное, выделяется особый эпистемический феномен — социально релевантное конструктивное знание. Это знание интегрирует элементы теории и практики, науки и мировоззрения, норм объяснения и ментальности. Данный эпистемический феномен представляет собой дискурсивное единство, детерминирующее социальную практику.

В параграфе 4.3. «Коммуникативное действие и практическая логика» рассматривается соотношение коммуникативного действия и практической логики как взаимодействия смысловых констант культуры и способов социального самовыражения, перевода социального действия в сценарии социального выбора.

Отмечается, что социология культуры — это не просто одна из отраслевых социологических теорий. Социология культуры является концептуальной схемой, рассматривающей все социальные явления и процессы под углом зрения их культурного или социокультурного значения. Социология культуры — это течение в «понимающей» или «интерпретативной» социологии (Ф.-Х. Тенбрук, П. Бурдьё, Ю. Давыдов, А. Филиппов, Л. Ионин и др.), возникшее «как реакция на теоретико-методологическую ограниченность позитивистской социологии (прежде всего структурного функционализма и символического интеракционизма) с ее неспособностью к анализу сложных форм социальной жизни — процессов, идущих в сфере интеллектуальной и духовной жизни, искусстве, религии и науке».

Специфика данной парадигмы и ее методов в ориентации на те теоретические элементы учений М. Вебера и К. Мангейма, где требующих учиты-

вать коллективные и индивидуальные смысловые конструкции, значимые в отношении систем действия. Социология культуры вырастает из установок понимающей социологии, заимствуя из феноменологии не так много и, в каком-то смысле, возвращаясь назад. Она направлена на социологическую интерпретацию содержания тех или иных культурно-исторических фактов и процессов в противовес их формальному изучению классическими социологическими системами.

Социология культуры исследует общество и отдельные его группы посредством изучения таких элементов социальной или групповой идентичности как стиль, канон, традиция, жизненная форма и т.д. Она ориентируется на идеи немецкой философии жизни, где отмечается продуктивность «физиогномического метода» и других методов художественно-эстетического познания. Данный методологический подход оказался гораздо эффективнее, нежели функционалистские схемы именно в реконструкции системы причин, действующих на социальные процессы и явления. Продуктивность понимания заключается в том, что данная методологическая тактика позволяет увидеть механизм формирования данной системы не в виде механического набора, состоящего из отдельных элементов, а в виде завершенных образований, предопределяемых единством стиля и требованием следования ему.

В диссертации выявлено, что современность проблематизирует объектность и важнейшим фактором становится определение способности субъекта вырабатывать модели социального взаимодействия. Насколько рационален этот выбор? Вопрос непростой. Если Хантингтон, чье мнение уже приводилось как типическое, убежден, что выбор свободен, а следовательно, в определенном смысле, рационален. По крайней мере, он рационален настолько, насколько этого хочет индивид. Если же он уклоняется от выбора, то и сам факт уклонения - результат свободного выбора. Но вспомним о феномене бегства от свободы, рассмотренного и изученного Фроммом. Действительно ли речь здесь идет о свободе и, тем более, о свободе разума? Вряд ли. Скорее здесь мы сталкиваемся с феноменом отсутствия традиционных силовых способов подчинения воли индивида. Но в современном обществе на смену традиционным способам узурпации свободной воли приходят более изощренные современные, несиловые. Они связаны с подчинением мышления.

Современные исследователи все более говорят о том, что технические открытия и их внедрение в обиход сформировали совершенно особый тип культуры - экранную культуру. «Сила современных экранных медиумов по сравнению с книгой состоит в том, что она опирается на образ и звук. Она проистекает не из идей, истин или сущностей, она не предполагает рефлексии, т.е. переключение внимания с формы знака на его значение.»

Отмечается, что под влиянием технических достижений человеческое мышление последних десятилетий существенно изменилось. Современный человек находится под постоянным влиянием визуальной информации (рекламы, телепрограмм, компьютерных и иных «картинок»), что делает его мышление «блочным» или «клиповым». Принятие одного из элементов некой блоч-

ной целостности с неизбежностью приводит к принятию всего комплекса. Выбирая образ, индивид тем самым без рационального выбора выбирает идею, а за идеей и действия. Принимает на себя ответственность, не имея свободы в подлинном смысле этого слова.

Все это означает, что современность не привела к усилению роли целерационального и ценностно-рационального действия, а породила новый вид действия. Его вполне можно отнести к разновидности эмоциональных. Социология культуры изучает действие, предписываемое избранным стилем. Стил выбирается на основе эстетических предпочтений. Как отмечает Ионин, традиция и канон отнимают у социального деятеля или социальной группы возможность выбора, а вот когда перед индивидом или группой появляется выбор, можно говорить о стиле.

Выявлено, что фрейм представляет собой некую гетерогенную целостность, изучаемую путем сведения к единому знаменателю, каковым оказался язык. Под фреймом обычно понимают концептуальную конструкцию, образованную вокруг какого-либо феномена и выражающую сеть стереотипных событий, сопровождающих данный феномен. То есть, фрейм представляет собой способ восприятия стереотипной ситуации, при котором происходит совмещение гетерогенных элементов в единое целое, тогда как теоретическое мышление ориентировано на ряды однородных вещей, процессов или состояний.

Не вмешиваясь в специальный спор конструктивистов и интуитивистов, отметим лишь, что фреймы можно сравнивать с платоновскими идеями, а можно придерживаться гипотезы об их конвенциональной природе. Каждый фрейм включает в себя набор характеристик, разделяемых каждым из членов сообщества. Более того, именно общество, социальный процесс посредством седиментации, хабиутализации и реификации продуцирует фреймы. Но во фрейме слишком выражены психофизические аспекты активности сознания. Есть и другой подход к определению целостностей. Структуралисты называли эти целостности эпистемами или дискурсивными практиками. П. Бурдьё писал о хабиутусах как об опривыченных сцеплениях практических смыслов.

Таким образом, повседневное действительно стало ключом к объяснению экстраординарного. В былые времена рассуждали о роли личности в истории и о гениальных людях, раздвигающих рамки человеческих возможностей, будь то понимание мира или область социальных отношений. Затем стали все чаще говорить о роли народных масс, которые творят историю и общество, политические, экономические и правовые институты, культурные ценности. Фуко предложил новый взгляд на функционирование смысла в культуре на примере истории идей. Но эту же логику уместно распространить и на формирование социальных отношений. Дискурс особым образом связывает слова и вещи, задает стандарты отношений между знаками и их значениями.

Впервые отказаться от прежнего понимания теории как образца для практики предложил еще Кант. Он поставил практический разум над теоре-

тическим в том смысле, что именно практический разум задает цели теоретическому. Французские просветители полагали, что дотеоретическое мышление помогало человеку выжить, но с открытием теоретического, оно навсегда утратило свое значение. Кант начал, а Гуссерль завершил доказательство обратного тезиса. Теоретическое знание оказалось зависимым от «жизни» практического. Дело в том, что практическое знание существует по законам жизни, оно постоянно перегруппируется, подстраиваясь под ситуацию. Оно нарочито контекстуально. Как уже отмечалось, тематическое знание стремится быть релевантным.

Особое отношение между теорией и практикой выявляется при рассмотрении специфики теоретического описания времени. «У науки свое время, не совпадающее с временем практики. Для аналитика время упразднено - не только потому, что он приходит всегда после схватки и точно знает, чем все кончится, но еще и потому, что у него есть время для тотализации, т.е. для преодоления любых эффектов времени.» Поэтому мы отмечаем детемпорализацию не только научной теории, но и научной практики. Из нее фактически исключено само понятие исключения времени, как будто изначальная метафизическая легитимация в виде учения о трансцендентных теоретических объектах попросту не существовала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новое понимание социального детерминизма должно учитывать требование практического описания социального действия, когда время является живым участником ситуации. Из этого следует важный принцип социального теоретизирования - описывать социум как совокупность событий, разворачивающихся на фоне времени, а не пространства. Если в естественнонаучной теории время представлено как один из видов пространства, то в социальной теории пространство может быть представлено как разновидность времени. Пространство позволяет нам упорядочить внешние восприятия, а время - внутренние переживания. Поэтому социальное теоретизирование должно объективировать опыт внутреннего переживания. Итогом такой объективации должны быть значения человеческих действий, т.е. их социальные содержания.

В заключении подводятся итоги исследования, указываются основные направления дальнейшей разработки проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии.

1. Бондаренко Н.Г. Человек и общество: вопросы теории причинной обусловленности. Москва, 2002. — 6,4 п.л.
2. Бондаренко Н.Г. Детерминизм и коммуникация в современной социальной теории. Пятигорск, 2003. — 9,0 п.л.
3. Бондаренко Н.Г. Принцип детерминизма в коммуникативной теории общества. М.: Социально-гуманитарные знания, 2004. — 10,0 п.л.

Брошюры.

4. Бондаренко Н.Г. Детерминация антропогенеза. Пятигорск, 1999. — 1,25 п.л.

Статьи.

5. Бондаренко Н.Г., Хапчаев И.А. Сущность принципа детерминизма / Философия и жизнь. Актуальные проблемы. Научные труды кафедры философии. Ставрополь, 1996 — 0,4 п.л. (0,2).
6. Бондаренко Н.Г., Хапчаев И.А. Объяснение психической причинности / Наука и образование: философские и психолого-педагогические проблемы. Научные труды кафедры философии СГТУ. Выпуск 9. Ставрополь, 1997. — 0,3 п.л. (0,2).
7. Бондаренко Н.Г. Социальная детерминация деятельности мозга / Наука и образование: философские и психолого-педагогические проблемы. Научные труды кафедры философии СГТУ. Выпуск 9. Ставрополь, 1997. — 0,3 п.л.
8. Бондаренко Н.Г., Хапчаев И.А. Целесообразность как форма детерминизма / Философия и жизнь. Научные труды кафедры философии. Ставрополь, 1998. — 0,4 п.л. (0,2).
9. Бондаренко Н.Г. Классификация детерминизма / Сборник трудов кафедры философии и социологии. Выпуск 2. Кисловодск, 1999. — 0,4 п.л.
10. Бондаренко Н.Г. Детерминация человека в свете современной науки / Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2000. — 1,2 п.л.
11. Бондаренко Н.Г., Хапчаев И.А. Характеристика принципа детерминизма и его роль в становлении и развитии человеческой истории / Сборник трудов кафедры философии и социологии. Выпуск 3. Кисловодск, 2000. — 2,3 п.л. (1,2).
12. Бондаренко Н.Г., Хапчаев И.А. Происхождение сознания как переход от чувственного к рациональному / Сборник научных трудов ПГТУ. Выпуск 1, том 2 (общественные, педагогические и правовые науки). Пятигорск, 2001. — 0,4 п.л. (0,2).

13. Бондаренко Н.Г. Детерминация в онтогенезе человека / Сборник научных трудов ПГТУ. Выпуск 1, том 2 (общественные, педагогические, правовые науки). Пятигорск, 2001. — 0,4 п.л.

14. Бондаренко Н.Г., Казначеев В.А. Место и роль социальной детерминации в становлении и развитии человека / Научные труды №11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 1,0 п.л. (0,5).

15. Бондаренко Н.Г., Казначеев В.А. Роль социализации в антропогенезе / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 0,2 п.л. (0,1).

16. Бондаренко Н.Г. Сущность антропогенеза и его роль в эволюции человеческой истории / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002.— 0,2 п.л.

17. Бондаренко Н.Г. Социализация как сущностная закономерность антропогенеза / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002.— 0,2 п.л.

18. Бондаренко Н.Г., Казначеев В.А. Труд как ведущий фактор процесса социализации / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 0,2 п.л. (0,1).

19. Бондаренко Н.Г. Орудийно-трудовая деятельность мустьерской эпохи как предпосылка социализации / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 0,2 п.л.

20. Бондаренко Н.Г. Сущность и классификация детерминизма в исследовании проблемы становления и развития человека / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 0,4 п.л.

21. Бондаренко Н.Г. Характеристика и роль детерминизма в становлении и развитии человеческой истории / Научные труды № 11. Серия гуманитарные науки. Пятигорск, 2002. — 0,5 п.л.

22. Бондаренко Н.Г. Роль социализации в антропогенезе / Циклы. Материалы Четвертой международной конференции (Ставрополь, октябрь, 2002 г.) Часть вторая. Ставрополь, 2002.— 0,2 п.л.

23. Бондаренко Н.Г. Детерминизм и современная наука / Научные труды № 20. Часть I. Пятигорск, 2002.—0,5 п.л.

24. Бондаренко Н.Г. Институциональный детерминизм в социальной теории и методологии Э. Дюркгейма / Научные труды № 20. Часть I. Пятигорск, 2002.— 0,4 п.л.

25. Бондаренко Н.Г. Теоретические и прагматические предпосылки формирования принципа детерминизма / Научные труды № 20. Часть I. Пятигорск, 2002.— 0,5 п.л.

26. Бондаренко Н.Г. Целевой детерминизм и его объяснение в социально-исторических науках / Научные труды № 20. Часть I. Пятигорск, 2002.— 0,6 п.л.

27. Бондаренко Н.Г. Эволюция понятия причины и принцип детерминизма / Научные труды № 20. Часть I. Пятигорск, 2002. — 0,5 п.л.

28. Бондаренко Н.Г. Социальная и биологическая обусловленность изменений в онтогенезе человека / Социально-философские и исторические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2002. — 0,5 п.л.
29. Бондаренко Н.Г. Идеальная детерминация в функциональной организации мозга человека / Социально-философские и исторические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2002. — 0,5 п.л.
30. Бондаренко Н.Г. Детерминация в онтогенезе человека / Социально-философские и исторические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2002. — 0,4 п.л.
31. Бондаренко Н.Г. Атомистический детерминизм в учении философской античности / Социально-философские и исторические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2002. — 0,3 п.л.
32. Бондаренко Н.Г. Принцип детерминизма в развитии человеческой природы // Научная мысль Кавказа. Приложение № 14 (40) . — 2002. — 0,3 п.л.
33. Бондаренко Н.Г. Социально-философский анализ классификации детерминизма // Научная мысль Кавказа. Приложение № 15 (41). — 2002. — 0,3 п.л.
34. Бондаренко Н.Г. Детерминизм как центральный принцип математического естествознания / Социально-философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. Часть 1. Пятигорск, 2002. — 0,6 п.л.
35. Бондаренко Н.Г. Принцип детерминизма в дотеоретическом мышлении / Социально-философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. Часть 1. Пятигорск, 2002. — 0,6 п.л.
36. Бондаренко Н.Г. Структура социального действия и институциональный детерминизм / Социально-философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. Часть 1. Пятигорск, 2002. — 0,8 п.л.
37. Бондаренко Н.Г., Казначеев В.А. Значение социализации в антропогенезе / Социально-философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. Часть 1. Пятигорск, 2002. — 0,8 п.л. (0,4).
38. Бондаренко Н.Г., Казначеев В.А. Принцип детерминизма и проблема свободы / Социально-философские и экономические проблемы российского общества. Сборник научных трудов. Часть 1. Пятигорск, 2002. — 0,6 п.л. (0,3).
39. Бондаренко Н.Г. Детерминирующая роль коммуникативно-информационных и интерпретативно - коммуникативных процессов социального взаимодействия / Социально-философские и экономические проблемы рос-

сийского общества. Сборник научных трудов. Часть 3. Пятигорск, 2002. — 0,7 п.л.

40. Бондаренко Н.Г. Генезис понятия причинности / Модернизация и сферы социальной жизни. Сборник научных статей. Выпуск 1. Ставрополь, 2002. — 0,3 п.л.

41. Бондаренко Н.Г. Детерминизм и причинность в систематической и социальной философии / Модернизация и сферы социальной жизни. Сборник научных статей. Выпуск 2. Ставрополь, 2003. — 0,3 п.л.

42. Бондаренко Н.Г. Детерминация в онтогенезе человека // Научная мысль Кавказа. Приложение № 2 (43). - 2003. — 0,3 п.л.

43. Бондаренко Н.Г. Идеальная причинность в деятельности мозга // Научная мысль Кавказа. Приложение № 3 (44). - 2003. — 0,3 п.л.

44. Бондаренко Н.Г. Понимание социальных явлений в постклассической социальной философии // Научная мысль Кавказа. Приложение № 4 (45). - 2003. — 0,4 п.л.

45. Бондаренко Н.Г. Детерминанты коммуникативного действия // Научная мысль Кавказа. Приложение № 10 (51). - 2003. — 0,3 п.л.

46. Бондаренко Н.Г. Герменевтика социального субъекта и коммуникация // Научная мысль Кавказа. Приложение № 11 (52). - 2003. — 0,3 п.л.

47. Бондаренко Н.Г. Язык и социальное конструирование мира: новая версия социального детерминизма // Научная мысль Кавказа. Приложение № 12 (53). — 2003. — 0,3 п.л.

48. Бондаренко Н.Г. Знание как фактор общественного развития // Научная мысль Кавказа. Приложение № 13 (54). - 2003. — 0,3 п.л.

49. Бондаренко Н.Г. Язык в новой версии социального детерминизма // Социально-философские и экономические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2003. — 0,7 п.л.

50. Бондаренко Н.Г. Антропоцентризм и детерминистские схемы // Социально-философские и экономические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2003. — 0,8 п.л.

51. Бондаренко Н.Г. Коммуникативное действие и практическая логика // Социально-философские и экономические проблемы развития общества. Сборник научных трудов кафедры социально-гуманитарных наук. Пятигорск, 2003. — 0,5 п.л.

52. Бондаренко Н.Г. Каузалистская версия детерминизма: общество — природа // Социально-экономические проблемы современной России и пути их решения. Сборник научных трудов ПГТУ. Пятигорск, 2004. — 0,5 п.л.

53. Бондаренко Н.Г. Понятие причинности: рефлексия конечного и бесконечного // Социально-экономические проблемы современной России и пути их решения. Сборник научных трудов ПГТУ. Пятигорск, 2004. — 0,7 п.л.

Тезисы.

54. Бондаренко Н.Г. Принцип детерминизма в постклассической социальной философии / Подготовка научных и научно-педагогических кадров и присуждение ученых степеней в России и Западной Европе: теория, история, опыт и тенденции развития. Материалы международной научно-практической конференции 23-25 сентября 2003 года. Пятигорск, 2003. — 0,3 п.л.

55. Бондаренко Н.Г. Социальное действие в контексте институционального детерминизма / Подготовка научных и научно-педагогических кадров и присуждение ученых степеней в России и Западной Европе: теория, история, опыт и тенденции развития. Материалы международной научно-практической конференции 23-25 сентября 2003 года. Пятигорск, 2003. — 0,5 п.л.

РНБ Русский фонд

2006-4

22634

